

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ

Впервые – перевод с самого полного академического издания с оригинальными авторскими комментариями!

Генри Джеймс
Крылья голубки

«Издательство К.Тублина»

1902

УДК 821.111

ББК 84.4

Джеймс Г.

Крылья голубки / Г. Джеймс — «Издательство К.Тублина», 1902

Главный герой, связанный помолвкой с юной соотечественницей, знакомится с красавицей американкой, наследницей громадного состояния. С каждым днем положение становится все более двусмысленным – понятно, что ничем хорошим эта история закончиться не может... Впервые русский читатель получил возможность познакомиться с переводом романа, сделанным по наиболее полному академическому изданию. Текст дополняют авторское предисловие к изданию 1909 года, выдержки из записных книжек и писем Генри Джеймса.

УДК 821.111

ББК 84.4

© Джеймс Г., 1902

© Издательство К.Тублина, 1902

Содержание

Как читать эту книгу, или Несколько слов от переводчика	6
Том I	7
Книга первая	7
Книга вторая	24
Книга третья	45
Книга четвертая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Генри Джеймс Крылья голубки

Henry James
THE WINGS OF THE DOVE

Издание выпущено при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© О. Чумичева, перевод, 2018

* * *

Как читать эту книгу, или Несколько слов от переводчика

«Крылья голубки» считаются одним из самых сложных по структуре романов Генри Джеймса, классика американской литературы XIX века, широко признанного современниками в Европе, названного неоднократно блестящим стилистом – и в то же время невозможным, порой невыносимым по витиеватости речи и многослойности образов и мыслей. Судить о романе – дело читателей, и остается надеяться, что перевод сохраняет не только нюансы смысла, но и структуру фразы, характерную авторскую манеру Генри Джеймса с обилием вводных оборотов, оговорок, уточнений – мучительных и очаровательных, как дыхание человека, из духоты города поднимающегося в альпийскую долину вслед за героинями романа, или как колдовство венецианских и лондонских улиц, по которым скитаются неприкаянные персонажи «Крыльев голубки».

Стоит отметить, что популярный прекрасный фильм 1997 года с Хеленой Бонем Картер, Шарлоттой Рэмплинг, Майклом Гэмбоном и другими знаменитыми актерами включает в себя далеко не все сюжетные линии романа, превращает некоторых персонажей во второстепенных, других вообще не показывает. Конструкция фильма обладает ясностью и простотой, против которых решительно боролся Генри Джеймс, отстаивая загадочность и туманность истории, в которой четкие контуры проступают лишь по мере развития действия и особенно к финалу. Так что тех, кто смотрел фильм, в книге ожидают открытия.

При составлении этого издания показалось важным включить в него не только текст романа, но и рассуждения Генри Джеймса о его изобретении и построении. И тут необходим краткий комментарий. Книга завершается авторским предисловием 1909 года, вызванным критикой в адрес автора после «серийной» журнальной публикации романа. Обращаясь к тем, кто книгу уже читал, романист предлагает то, что сегодня принято называть «спойлерами» (причем весомыми), а с другой стороны, не объясняет детали, полагая, что читатель предисловия и так все это знает. Однако начинать с предисловия не стоит – скорее всего, им нужно закончить знакомство с историей.

Начинать надо с романа. Затем, во вторую очередь, будет любопытно познакомиться с выдержками из записных книжек Генри Джеймса: так можно увидеть реальное рождение сюжета и понять, как сильно менялось отношение автора к персонажам в процессе работы. Несколько писем отражает переживания писателя после первого издания книги, его общение с коллегами, редактором и друзьями. И вот после этого, третьим этапом, интереснее всего познакомиться с предисловием. И обнаружить, как поменялась позиция автора после романа и читательских отзывов, как далеко он ушел от первоначального замысла, сохранившегося в записных книжках, а в чем остался верен ему. И история романа имеет все шансы оказаться самостоятельным сюжетом, в котором главным героем будет сам Генри Джеймс. Не случайно он сегодня появляется в качестве персонажа на страницах современных романов, привлекает внимание не только своими книгами, но и весьма своеобразной личностью, сложной судьбой и серьезным отношением к работе писателя.

Хотелось бы верить, что «Крылья голубки» и история романа в заметках Генри Джеймса станут двумя «крыльями» одной большой и увлекательной истории о молодых людях, увлеченных Роком и сильными страстями и устремляющихся навстречу непредсказуемой судьбе.

Ольга Чумичева

Том I

Книга первая

I

Она, Кейт Крой, ждала, когда придет отец, но он самым бессовестным образом держал ее в напряжении, и время от времени она замечала в зеркале над камином свое бледное от гнева лицо – ей хотелось развернуться и уйти, отказаться от встречи с ним. Однако она не заходила так далеко, лишь меняла место, перемещаясь с потертого дивана в кресло, обитое вошемым ситцем, и невольно касалась ткани, скользкой и немного липкой. Она разглядывала пожелтевший рисунок обоев, листала случайный журнал годичной давности. Под лампой с абажуром из цветного стекла и рядом с вязаной ослепительно-белой салфеткой скатерть на большом столе выглядела пурпурной; время от времени Кейт выходила на крошечный балкон, куда вели два французских окна. Перед ней открывался вид на заурядную улочку, но после заурядной тесноватой комнаты он вносил хоть какое-то разнообразие; и это все наводило ее на мысль, что узкие темные стены, слишком убогие даже для задних фасадов, соответствовали не менее жалким интерьерам этих домов. Эта комната была подобна сотням других, возможно, еще худших, по всей улице. Каждый раз, когда она возвращалась внутрь – каждый раз в нетерпении и досаде, – пространство комнаты представлялось ей все более глубоким, она все острее чувствовала слабое, вялое воздействие предметов, утрату удачи и чести тем, кто здесь живет.

В каком-то смысле, продолжая ожидать его, она сохраняла себя, не умножая прочие оттенки позора постыдным страхом и крушением личности. Эта улица, комната, скатерть, салфетка и лампа все-таки успокаивали ее – по крайней мере, во всем этом не было бегства или лжи. Хуже всего была общая картина – включая разговор, к которому она тщательно готовилась, хотя и понимала, что хорошего от него ждать не приходится. Она старалась вызвать в себе печаль, чтобы не сердиться, но сердилась еще больше, оттого что не могла испытать желанную грусть. Она удивлялась, что не чувствует себя ничтожеством – неперменного чувства того, кому судьбой уготовано стать товаром на аукционе. Хотя разве не служат проявлением ничтожности все эти жалкие, слишком приглушенные чувства?

Жизнь ее отца, сестры, ее собственная, как и жизнь двух покойных братьев, – вся история их семьи казалась изысканной, витиеватой, цветистой фразой, скорее, даже музыкальной – сперва произнесенной словами, затем преображенной в ноты, но лишенной смысла, незавершенной, в конце концов не сохранившей ни слов, ни нот. Зачем приводить в столь мощное движение нескольких людей, заставляя их готовиться к интересному и полезному путешествию лишь для того, чтобы все рассыпалось в прах – без повода, без видимой причины превратилось в ничто? Ответа на этот вопрос не найти было на Чёрк-стрит, улица сама порождала каскад подобных вопросов, и девушка вновь и вновь замирала перед зеркалом и камином, словно они открывали перед ней путь к спасению от докучливых мыслей. Может быть, она могла спастись от «худшего», вернув себе привлекательность? Она всматривалась в помутневшее стекло слишком пристально, чтобы ограничиться созерцанием своей безусловной красоты. Вот она поправила черную, плотно отделанную перьями шляпку, слегка коснулась тяжелой волны темных волос, искоса взглянула на прелестный овал своего лица – скорее отвернувшегося от зеркала, чем обращенного к нему. Она была в черном платье, которое контрастировало со светлой кожей и подчеркивало оттенок волос. Снаружи, на балконе, было видно, что глаза у нее синие,

но здесь, перед зеркалом, они казались почти черными. Она была хороша, ей не нужно было подделывать свою красоту, однако впечатление, производимое ею, сильно зависело от внешних обстоятельств. И это впечатление не складывалось, как сумма отдельных деталей. Она была статной, но не высокой, грациозной, но не слишком подвижной, внушительной, но не массивной. Стройная и естественная, часто молчаливая, она каким-то непонятным образом всегда привлекала взгляды окружающих – неизменно радуя взор. Ее счастливое умение прекрасно выглядеть не было связано ни с пышностью наряда – она зачастую использовала меньше аксессуаров, чем другие женщины, – ни с пренебрежением к выбору одежды. В ней была загадка, о существовании которой знали друзья; для них обычным объяснением был ее ум – независимо от того, был ли он причиной или результатом ее очарования. Если и могла она что-то разглядеть в тусклом зеркале отцовской квартиры – нечто большее, чем утонченные черты своего лица, – так это то, что в конечном счете не ее внешний вид был причиной катастрофы. Она не считала себя ни дешевкой, ни убогой. По крайней мере, сама она не воспринимала себя товаром на аукционе. Она еще не сдалась, и если за ней оставалось последнее слово, то она желала, чтобы таковое имело смысл и значение. На какое-то мгновение, пристально вглядываясь в глаза своего отражения, она едва не потерялась в мыслях о том, как повернулось бы все, будь она мужчиной. Она бы обладала именем – драгоценным именем, которое ей так нравилось, – несмотря на ущерб, нанесенный ему отцом, оно еще чего-то стоило. Она любила отца тем нежнее, чем больше кровоточила его рана. Но что могла поделать девушка без денег?

Когда наконец появился отец, она, как обычно, мгновенно ощутила всю тщетность усилий добиться от него хоть какой-то определенности. Он написал ей, что болен, слишком болен, чтобы покидать комнату, что они должны немедленно встретиться; и если все это было лишь умыслом и игрой – должно быть, именно так, – он даже не потрудился придать обману облик правдоподобия. Он, безусловно, хотел увидеться с ней, какими бы извращенными причинами ни было вызвано его желание, – и она была готова к разговору; но теперь в неизменной свободе и непринужденности его манер она снова почувствовала прежнюю боль, ту боль, которую переживала ее мать, – любая встреча с ним пробуждала в ней эти воспоминания. С ним нельзя было поговорить достаточно коротко или формально, чтобы не испытать страдания, и это происходило каким-то невероятным образом помимо его желания – ему было бы выгодно не провоцировать подобное чувство, однако он не мог оставить без внимания малейшую ошибку и тем более допустить ее невозможность, и именно эта уверенность в собственной правоте придавала ему сил. Он мог бы ждать ее на диване в гостиной или лежа в постели, подчеркивая обстоятельства, в которых вынужден ее принимать. Она была довольна, что он избавил ее от подобной интимности, однако это напомнило ей, как мало доверия он заслуживал. Каждая встреча оборачивалась знакомой рутинной, он лгал непрестанно, словно карточный шулер, оперирующий засаленной колодой, он разыгрывал дипломатическое представление, вовлекая в него других и вынуждая подчиняться его правилам. Неловкость, неизбежно возникавшая в таких ситуациях, не была следствием очевидной, почти вызывающей лжи – скорее, она вытекала из отсутствия правды. Он действительно мог заболеть, но было бы удобнее знать об этом наверняка и избегать контакта, чтобы не задаваться вопросом, обман это или нет. Даже если бы он умер, Кейт не смогла бы по-настоящему поверить в его смерть.

Он не спустился из своей комнаты – она знала, что та расположена непосредственно над той, в которой они теперь находились; его просто не было дома, хотя если бы она решилась сказать об этом, он бы все отрицал и даже постарался представить это как доказательство своей беспомощности. Однако у нее уже не было сил и не осталось решимости; столкнувшись с ним лицом к лицу, она ощутила, как раздражение покидает ее, – весь облик его источал трагизм, которому она не могла противостоять. И затруднительность ее положения отнюдь не смягчалась тем, что во всем происходящем было нечто комическое; она едва ли не готова была найти ему оправдание. Он не был забавным – для этого ему не хватало человек-

ности. Безупречный вид, отработанный до совершенства, давно стал для него банальной привычкой. И ничто не могло бы отчетливее продемонстрировать его правоту. Он был сама непринужденность: розовая кожа, серебристые волосы, прямая осанка, некая чопорность фигуры и одежды – светский человек, не причастный ни к чему неприятному. Воплощение английского джентльмена – благополучного, уверенного, здорового. Появляясь в ресторане за границей или на приеме в посольстве, он вызывал лишь естественное изумление: «Как же безупречны англичане!» Взгляд его был добрым и спокойным, а голос глубоким и чистым, причем ему не доводилось повышать его ни при каких обстоятельствах. Жизнь сама шла ему навстречу, а потом сопровождала и поддерживала его, мягко подхватив под руку и нежно направляя его к цели кратчайшим путем. Знакомые замечали: «Как он одет!» – а те, кто знал его лучше, недоумевали: «Как ему это удастся?» Но только его дочь замечала легкий отблеск комического, особенно на фоне убогой обстановки меблированных комнат. Мгновение ей казалось, что он – всего лишь случайный посетитель, а она хозяйка квартиры. У нее возникало порой странное, не поддающееся определению чувство, связанное с воспоминаниями о том, как он приходил к ее матери – пока та еще готова была принимать его. Зачастую они даже не знали, откуда он прибыл, но являлся он так, словно осчастливил Лексэм-гарденз самым своим присутствием.

На этот раз Кейт выразила досаду лишь коротким замечанием:

– Я рада, что тебе намного лучше!

– Мне ничуть не лучше, дорогая, мне чудовищно плохо, и свидетельство тому – необходимость посетить аптекаря, того грубияна на углу. – Мистер Крой сделал нарочито слабый жест, словно указывая на место действия. – Я забрал кое-какие препараты, которые он приготавливал для меня. Именно поэтому я и послал за тобой, чтобы ты сама увидела, каково мне.

– Ох, папа, я давно уже поняла, что ты из себя представляешь! Полагаю, мы все уже подобрали для тебя верное определение – *n'en parlons plus*¹. Ты прекрасен, как всегда, и выглядишь отлично.

Некоторое время он пристально, критически рассматривал ее лицо и одежду оценивающим и не вполне одобрительным взглядом, тем самым демонстрируя, что не утратил искренний интерес к дочери. На самом деле интерес этот не был глубоким – впрочем, ко всем остальным на свете он был еще более безразличен. Иногда она пыталась угадать, чем могла бы по-настоящему порадовать его. Пожалуй, тем, что была хороша собой, и это делало ее в некотором роде ценным капиталом. Другое его дитя не заслуживало, по мнению отца, ни капли внимания. Ему и дела не было до бедняжки Марианны. Несмотря на безусловную красоту, сестра ее овдовела и теперь отчаянно нуждалась, на ее попечении остались четверо детей. Какую ценность могла она представлять с таким багажом?

Она спросила, как долго он проживает в этой квартире, хотя это было не важно, да и правдивого ответа она не ждала. Она и не придавала значения ответу, не задумалась, насколько он соответствовал действительности, мысли ее уже перенеслись к более важному предмету – тому, что она собиралась сообщить отцу. Ради этого она так долго ждала его, преодолевая раздражение и обычное свое нетерпение. Но теперь у нее уже не оставалось сил тянуть, и она поспешила заявить:

– Да, я хочу поехать с тобой; не знаю, что ты собираешься мне сказать, но даже если бы ты не написал мне, я бы пришла – не сегодня, так завтра. Все стало ясно, и я лишь ждала встречи с тобой, чтобы окончательно убедиться. Теперь я вполне уверена. Я еду с тобой.

Вот это уже произвело на него впечатление.

– Едешь со мной?

– Куда угодно. Я останусь с тобой. Даже здесь. – Она сняла перчатки и уселась с таким видом, словно все шло согласно ее плану.

¹ Ни слова больше (франц.).

Лайонел Крой помедлил – он искал предлог, чтобы непринужденно выйти из положения, в котором оказался из-за ее заявления; именно на такую реакцию она и рассчитывала – он окажется в затруднении. Он уже пожалел, что позвал ее, он совершенно не желал, чтобы она поселилась у него, но отказать надо было с достоинством, не потеряв лица. Часть его очарования состояла в том, чтобы принять облик жертвы, – именно так он пытался добиваться своих целей. Но какой уж тут стиль, если она не откажется от своего намерения? Ему пришло в голову, что надо уступить ей, проявив благородство; это позволит снять напряжение и избавиться от нее. Она, судя по всему, нимало не заботилась о его затруднении. Она столько раз наблюдала его блистательные представления, что едва ли ее можно было удивить новым. И она отчетливо прочитала досаду в его интонации, когда он наконец произнес:

– О, дитя мое, я никак не могу согласиться на это!

– Что же ты собираешься делать в таком случае?

– Я еще не принял решения, – сказал Лайонел Крой. – Вообрази, я пока даже не думал об этом.

– А о моих словах ты подумал? – спросила дочь. – Я имею в виду, что я готова следовать за тобой.

Он стоял перед ней, заложив руки за спину и слегка расставив ноги, покачиваясь туда-сюда, словно приподнимаясь на цыпочки и опускаясь. Это была поза нарочитой задумчивости.

– Нет, я не могу, я не могу сейчас думать об этом.

Он произнес эти слова весомо, так что она вновь оценила силу его артистизма, одновременно припоминая прежние разочарования и то, как мало можно было доверять производимому им впечатлению. Он всегда казался искренним, и это был крест, который пришлось нести ее матери; каждый его жест был рассчитан на публику – и слава богу, что окружающие не знали, на что он был способен на самом деле. В силу особого склада характера он был совершенно невыносимым мужем, и это накладывало ужасный отпечаток на связанную с ним женщину. Кейт признавала, что противостоять ему, расстаться с человеком, обладающим такой внешностью, такими безупречными манерами, было вовсе не легко. Чего она не знала и не могла предполагать, так это то, что у него был большой опыт подобных затруднительных ситуаций. Если он и считал младшую дочь потенциально выгодным капиталом, все же главным сокровищем в его глазах был он сам. Величайшее чудо заключалось не в том, что это всегда выручало его, а в том, что на этот раз привычка не могла ему помочь. Традиционная интонация, универсальная и отлично работавшая прежде, не могла сломить ее терпение. Она угадала его следующий шаг.

– Ты хочешь, чтобы я поверил в то, что ты вот так взяла и передумала?

Она знала, как ответить.

– Боюсь, папа, меня не очень беспокоит, во что ты веришь. Я никогда не считала тебя доверчивым. – Она решила и добавила: – Я вообще полагаю, ты ни во что не веришь. Видишь ли, папа, я совсем не знаю тебя.

– И ты думаешь, что способна с этим справиться?

– О нет, что ты! Об этом и речи нет. Я и не рассчитываю на это, но это и не важно. Мне кажется, я могла бы жить с тобой, но не могла бы тебя понять. Конечно, я понятия не имею, как ты собираешься справиться с ситуацией.

– А я и не собираюсь, – почти весело ответил мистер Крой.

Все возвращалось на круги своя, даже странно, как мало требуется, чтобы продемонстрировать суть дела. И сутью этой было нечто отвратительное – столь определенное, что казалось материально осязаемым. Суть проступала в самой обстановке, в каждой детали его скудной жизни, которую она воспринимала так остро, что не смогла удержаться от ехидного тона:

– О, прошу прощения. Ты ведь процветаешь!

– И в чем ты меня упрекаешь? – снисходительно бросил он. – В том, что я не покончил с собой?

Она сочла этот вопрос чисто риторическим, в конце концов она пришла ради серьезного дела.

– Ты знаешь, как все мы встревожены маминым завещанием. Она оставила даже меньше, чем сама предполагала. Мы не понимаем, как нам удавалось жить. Все, что у нас есть, это две сотни в год для Марианны и две для меня, но я уступила сотню Марианне.

– О, ты, как всегда, проявила слабость, – добродушно вздохнул отец.

– Для нас с тобой и одна сотня кое-что.

– А что с остальным?

– А ты сам способен что-то сделать?

Он выразительно взглянул на нее, а потом засунул руки в карманы, вывернул их наружу и замер на минуту перед окном, которое она прежде открыла. Ей нечего было добавить – она уже все сказала и теперь ждала его ответа. Повисла тишина, нарушаемая лишь отдаленными криками уличного торговца, разрезающими прохладный мартовский воздух. Комнату заливало неяркое солнце, доносился приглушенный шум Чёрк-стрит. Он приблизился к дочери и произнес с легким недоумением:

– Не могу понять, что тебя заставило принять столь внезапное решение?

– Мог бы и догадаться. Но, позволь, я объясню. Тетя Мод сделала мне предложение. Но вместе с ним она поставила условие. Она готова позаботиться обо мне.

– Чего же она могла пожелать?

– О, не знаю... многого. Я не такое уж ценное приобретение, – сухо ответила девушка. – Прежде никто не выражал намерения заботиться обо мне.

Казалось, теперь ее отец испытывал если не подлинный интерес к теме, то хотя бы любопытство.

– Тебе еще ни разу не делали предложение? – он словно не мог поверить, что такое могло происходить с дочерью Лайонела Кроя, отсутствие предложений явно казалось ему чем-то невероятным и абсурдным.

– По крайней мере, не от богатых родственников. Она очень добра ко мне, но говорит, что потребуются немало времени, чтобы научиться понимать друг друга.

Мистер Крой одобрительно кивнул:

– Конечно, это справедливое замечание про время, но я не понимаю, что именно она имела в виду.

– В самом деле?

– О, отлично. Она готова позаботиться о тебе, если ты полностью прекратишь общение со мной. Ты упоминала некое условие. Несомненно, речь шла об этом.

– Именно это и заставило меня изменить планы, – сказала Кейт. – Поэтому я здесь.

Он жестом показал, как высоко ценит ее решимость, а несколько секунд спустя с легкостью вывернул все наизнанку:

– Ты и вправду полагаешь, что я в состоянии принять тебя на свое попечение?

Она немного помедлила с ответом, а потом просто сказала:

– Да.

– Ну, в таком случае ты еще большая дурочка, чем я предполагал.

– Почему же? Ты жив. Ты процветаешь. Ты полон оптимизма.

– Ты всегда меня ненавидела! – пробормотал он, уставившись в окно.

– Мало у кого так мало приятных воспоминаний, – заявила она, пропустив мимо ушей его последнее замечание. – Но ты живешь настоящей жизнью, если такое вообще возможно. Ты прекрасен. Знаешь, иногда ты поражаешь меня: в каком-то смысле ты крепче меня стоишь на земле. И не пытайся выставить меня чудовищем, если я напоминаю тебе, что мы, в конце концов, папа и дочь и мы можем хоть в чем-то рассчитывать друг на друга. Я думаю, это важно

для нас обоих. Я не собираюсь портить тебе жизнь, но прошу принять мое существование. Со своей стороны я готова сделать для тебя все, на что способна.

– Ясно, – сказал Лайонел Крой, а затем добавил торжественно: – И на что ты способна?

Она на мгновение заколебалась, и он тут же взял инициативу в свои руки.

– Ты наверняка думаешь, что совершаешь красивый поступок, раз уж решилась отказаться от щедрот тети и прийти ко мне, но я хотел бы знать, что доброго принесет мне твой побег? – Он выдержал паузу, а поскольку она молчала, продолжил развивать свою мысль: – Мы немногим располагаем, и ничего не выигрываем от твоего решения, и едва ли долго протянем вместе на имеющиеся средства. Но мне нравится, девочка моя, как ты решительно заявляешь, что готова от всего отказаться! Не стоит отказываться от ложки, если намерена питаться бульоном. А твоя ложка – это тетя. Причем отчасти она и мой шанс.

Она встала, довольно резко, признавая тщетность своих усилий и слабость своей позиции, и вернулась к маленькому темному зеркалу, перед которым стояла, пока ждала отца. Снова поправила шляпку, и этот жест заставил его в нетерпении бросить ей:

– О, ты в полном порядке! Тебе не надо связываться со мной!

Она обернулась и взглянула на него:

– Условие тети Мод заключается в том, что я не должна иметь с тобой ничего общего, никогда не встречаться, не разговаривать, не писать тебе, не приближаться к тебе и не подавать никаких знаков, не обмениваться с тобой никакими новостями. Она требует, чтобы ты просто перестал существовать для меня.

Многие находили невыносимой его привычку разговаривать, покачиваясь с носка на пятку, с неким пренебрежением и даже вызовом. Однако самое забавное, что в этом жесте не было намеренного оскорбления. По крайней мере, он не ставил такой цели. Но именно сейчас он стал покачиваться, когда разговор стал напряженным.

– Дорогая, твоя тетя Мод выдвигает весьма справедливое требование – не имею в этом ни малейших сомнений!

Она почувствовала, как подкатывает тошнота, она не находила больше слов, а он продолжал:

– Таково, значит, ее условие. А что она обещает взамен? Что она готова сделать для тебя? Знаешь, тебе следует хорошенько поработать над этой стороной соглашения.

– Ты имеешь в виду, что я должна показать ей, как дорожу тобой и как много теряю? – поинтересовалась Кейт.

– Ну, продемонстрируй, что это соглашение крайне жестокое, несправедливое. Я старый бедный папочка, который должен отступить и дать тебе дорогу к лучшей жизни. И я готов принять это. Но, в конце концов, мне, старику, тоже можно кое-что подкинуть за мое смирение.

– О, полагаю, она уверена, что я только выигрываю от такого соглашения, – заметила Кейт почти весело.

Он возмущенно взглянул на нее:

– Но она же намерена положить кое-что на твой счет? Девушка подхватила его игру:

– Ну, наверное. Однако главное – то, в чем женщины готовы помогать друг другу, тебе этого просто не понять.

– Лучше всего я понимаю то, что меня не касается, – парировал он. – Но хотел бы разъяснить, что тебе предоставляется блестящая возможность и ты должна быть мне чертовски благодарна за это.

– Признаюсь, не вижу, за что именно я должна быть так благодарна, – возразила Кейт.

– Ну, девочка моя, стыдись! Знаешь, что объединяет всех этих упрямых пустых людей? – Он задал вопрос с очаровательной улыбкой и внезапным вдохновением риторика. – Невыносимая высокомерная мораль. Семейная сентиментальность, пошлость жизни. Однажды человек вроде меня – такой родитель – обнаруживает, что выросла у него дочь, такая как ты,

обладающая определенной ценностью, если говорить на языке делового мира. Своего рода актив. – Он продолжал светским тоном: – Я говорю даже не о том, что бы ты могла сделать для меня, питай ты ко мне нежные чувства, и что я назвал бы неплохим шансом. Если, конечно, – он вдруг отбросил напускное спокойствие, заговорил с волнением, – твой долг и открывающиеся перед тобой возможности, сумей ты разглядеть их, принесут мне хоть какую-то пользу. Найди в себе семейные черты, пойми, в чем мое преимущество. Если ты унаследовала его от меня, ты поймешь, что я имею в виду. Научись этому, – мистер Крой сделал эффектную паузу, прежде чем продолжить: – Говоришь, ты уже отказалась от половины своего скромного наследства?

От неожиданности она рассмеялась:

– Нет, я еще ничего не устроила.

– Но ты хочешь преподнести Марианне этот дар?

Они стояли теперь лицом к лицу, и она чувствовала себя слабой и беспомощной перед его натиском.

– Ты обеспечишь ей три сотни в год в придачу к тому, что ей оставил муж? Это тебе подсказывает твоя мораль? – усмехнулся циничный папаша.

На этот раз Кейт ответила твердо:

– А ты считаешь, что я должна все отдать тебе?

Слово «все» неприятно поразило его, тон его стал резким:

– Вообще нет! Как ты можешь предполагать такое? Постарайся понять, о чем я говорю тебе!

Кажется, я подробно объясняю: дело не в том, чтобы взять или отдать. Не стоит складывать все яйца в одну корзину. Я всегда следую этому принципу.

Кейт едва не засмеялась, осознав гротескную абсурдность разговора.

– О, ты великолепно владеешь такими предметами! Думаю, не следует оставлять тебя в неопределенности: если я приму условия тети, чувство чести требует, чтобы я соблюдала их с абсолютной пунктуальностью, вплоть до мелочей.

– Именно к твоему чувству чести я и взываю, дорогая моя! Единственное правило игры – играть! Твоя тетя может многое для тебя сделать.

– Ты имеешь в виду, выдать меня замуж?

– А что же еще? Правильный брак...

– И что дальше? – бросила ему Кейт.

– А дальше... ну, об этом можно поговорить. Я хочу сказать, об отношениях.

Она огляделась и взяла зонтик.

– Потому что ты боишься ее больше, чем кого-либо другого? Мой муж, если я решусь выйти замуж, будет не столь страшен? Если ты имеешь в виду это, вероятно, ты прав. Но разве это не зависит еще и от того, что ты подразумеваешь под «правильным» браком? Впрочем, – Кейт автоматически перебирала оборки по краю летнего зонтика, – правильный муж должен будет уговорить тебя поселиться у нас.

– Ну что ты, дорогая, ни в коем случае! – Его не трогали ни страх, ни надежда, которые она испытывала, он думал только об освобождении. – Я целиком полагаюсь в этом деле на твою тетю. Я с закрытыми глазами соглашусь с любым ее мнением, приму выбранного ею человека. Если он будет достаточно хорош для нее – при ее-то гигантском снобизме! – значит, он будет хорош и для меня; несмотря на то что она постарается выбрать того, кто будет категорически против меня настроен. Мой интерес лишь в том, чтобы ты во всем следовала ее желаниям. Ты не была бы так чудовищно бедна, милая моя, – заявил мистер Крой, – если бы это от меня зависело.

– Ну что же, папа, тогда прощай, – произнесла девушка после краткой паузы. Ей стало понятно, что в продолжении разговора нет смысла. – Конечно, ты понимаешь, что расстаемся мы надолго.

Настроение ее собеседника заметно улучшилось.

– Почему же не навсегда? Ты должна отдать мне должное: я ничего не делаю наполовину – никогда не делал, и если я предлагаю тебе оставить меня, то категорически, совсем. И это взвешенное и серьезное решение.

Она обратила к нему красивое ясное лицо и так долго, пристально смотрела на него, словно это и вправду было окончательное и бесповоротное расставание.

– Я не знала тебя.

– Я и сам себя не знаю, дорогая. Всю жизнь пытаюсь понять себя, и все тщетно. Просто жалость. Даже если бы каждый из нас превратился в несколько человек и мы бы исследовали их всех, они бы оставались загадкой. Но теперь все это не имеет значения. Прощай, любимая, – он взглянул на нее неуверенно: захочет ли она поцеловать его?

– Жаль, что здесь нет никого, кто мог бы засвидетельствовать: я приходила к тебе с открытым сердцем и хотела сохранить наши отношения.

– Если хочешь, могу позвать домовладелицу, – парировал отец.

– Вероятно, ты мне неверишь, – продолжала она, – но я пришла с надеждой найти какое-то решение. Прости, что теперь оставляю тебя не в самом благоприятном положении.

Он отвернулся, и, как и прежде, шагнул к окну, словно к убежищу, и уставился на улицу.

– Позволь мне – увы, без свидетелей – сказать, что тебе довольно было бы одного слова.

Он ответил, не поворачиваясь к ней:

– Если я разочаровал тебя, не сказав его, мы попусту потратили время.

– Я хочу, чтобы ты запомнил: из уважения к тете я буду вести себя по отношению к тебе именно так, как она требует. Она хочет, чтобы я сделала выбор. Отлично, я его сделаю. Я умываю руки.

Наконец он обернулся к ней:

– Знаешь, дорогая, меня уже тошнит от тебя! Я старался быть совершенно откровенным и это уже нечестно с твоей стороны!

Она прервала его, воскликнув взволнованно:

– Отец!

– Не понимаю, что с тобой, – продолжал он, – если ты не можешь держать себя в руках, клянусь, я заставлю тебя сделать это. Запихну тебя в кэб и отправлю напрямик в безопасный уголок на Ланкастер-гейт.

Она повторила беспомощно и отстраненно:

– Отец.

Он нахмурился и довольно резко произнес:

– Ну?

– Возможно, тебе странно слышать это, но ты и вправду помог мне сегодня.

– А разве не это я пытаюсь тебе объяснить?

– Да, – ответила она очень спокойно, – но не в том смысле. Я честна с тобой и знаю, о чем говорю. Не стану делать вид, что месяц назад ждала от тебя визита или помощи. Но ситуация изменилась, вот в чем дело, и сейчас у меня совсем другие заботы. Я и теперь не прошу тебя что-либо «сделать» для меня. Я всего лишь хотела, чтобы ты не отталкивал меня, не выбрасывал меня из своей жизни. Тебе стоило лишь сказать: «Конечно, если ты этого хочешь, мы будем вместе, мы не станем заранее беспокоиться о том, как все пойдет дальше, мы будем верить в будущее». Вот и все. Это было бы здорово. Я бы сохранила тебя – и в этом была бы единственная моя выгода. Понимаешь?

Он посмотрел ей в глаза, выражение лица его теперь было жестким.

– Дело в том, что ты влюблена, и твоя тетя это знает и – по причинам, которые я нахожу вполне вескими, – протестует против этого. Ее можно понять! В этом я готов довериться ей вслепую. Пожалуйста, иди.

В его голосе не было гнева, только безграничная печаль; он снова отвернулся. И прежде чем она успела что-то сказать, он открыл перед ней дверь. Он не одобрял ее чувств, но жалел дочь.

– Твоя тетя изрядно заблуждается, полагаясь на тебя. Мне даже жаль ее.

Кейт на мгновение замерла.

– Она не тот человек, который нуждается в чьей-либо жалости, как бы она ни заблуждалась, хотя она и заблуждается не слишком часто. То есть если ты имеешь в виду, что все дело во мне и это на меня нельзя полагаться.

Он отмахнулся:

– Ты обманываешь сразу двоих – миссис Лаудер и кое-кого еще?

Она решительно мотнула головой.

– Не имею ни малейшего намерения, и уж миссис Лаудер я точно не собираюсь обманывать. Если ты мне не веришь, – она начинала сердиться, – это лишь упрощает ситуацию. Я пойду своей дорогой, какой я ее вижу.

– Твоя дорога – выйти замуж за какого-нибудь проходимца без гроша в кармане?

– Ты хочешь получить слишком много, не давая ничего взамен, – парировала она.

Он встал прямо перед ней – ему не удалось быстро избавиться от нее, и он терял терпение. Аргументов у него не осталось, и он уже далеко не так уверенно себя чувствовал.

– Если ты готова вынести последствия тетиного гнева, тебе должно хватить сил и на то, чтобы меня выслушать. Что означают все твои слова, если ты не собралась замуж за какого-нибудь проныру? И кто этот нищеброд?

Несмотря на его натиск, она не отвечала сразу, а потом заговорила холодно и отчетливо:

– Он ничего дурного о тебе не думает. Он всего лишь хочет быть любезным.

– Тогда он просто осел! И как ты намеревалась наладить отношения между нами? – полюбопытствовал отец. – Если он уже теперь беспомощен и невыносим? Есть хорошие и дурные ослы, но твой явно относится ко второй категории. К счастью, твоя тетя в таких людях отлично разбирается, и я ее суждениям полностью доверяю, как уже сказал раньше. Усвой раз и навсегда: я не желаю больше слышать ни о ком, кого она не одобряет, – заявил он. – Если же ты намерена игнорировать и ее и мое мнение...

– И что тогда, папа?

– Ну, мое милое дитя, полагаю, незначительность моего мнения не мешает мне заметить, что тебе придется сильно сожалеть о своем выборе.

Она выдержала паузу, довольно тяжелую, словно взвешивая всю степень грозящей опасности, а потом сказала:

– Если я не поступлю таким образом, то уж точно не из-за того, что испугалась тебя.

– О, в таком случае, – бросил он ей в лицо, – тебе потребуется немало отваги!

– Значит, ты ничего для меня не сделаешь?

Его ответ был написан у него на лице, и крах слабой надежды в душе Кейт усугублялся воспоминанием об ужасной лестнице, которую она преодолела по пути сюда, и о странном запахе, наполняющем ее.

– Я никогда не обещал делать ничего, что выходило бы за рамки прямых обязанностей. Я дал тебе ясный и весьма ценный совет... – И вдруг в нем словно сорвалась какая-то пружина: – Если тебя не устраивают мои слова, можешь отправляться за утешением к Марианне!

Потому что он никак не мог простить ей намерение разделить скудное материнское наследство с Марианной. Она должна была поделиться с ним.

II

После смерти матери она переехала к миссис Лаудер – это потребовало от нее усилий, напряжения и боли, которую она чувствовала до сих пор и которая не давала ей ничего забыть. Но другого выхода не было, у нее не было денег – лишь неоплаченные счета, скопившиеся толстой стопкой за время роковой болезни хозяйки, да еще указание, что продавать ничего нельзя, так как все в доме принадлежит «домовладению». Как такое могло случиться, для нее оставалось загадкой, причем отвратительной; несколько недель Кейт казалось, что Марианна с детьми постоянно наблюдают за ней, потому что претендуют на скудные мелочи, принадлежавшие покойной матери. Подумать только: зачем ей все это? На самом деле она хотела лишь одного – отказаться от всего наследства, и она, несомненно, сделала бы это, если бы не решительное вмешательство тети Мод. Вмешательство это было не только решительным, но и весьма масштабным. Как бы то ни было, к исходу зимы она совершенно не понимала, что делать дальше. Ей не впервые приходилось смиряться с мрачной иронией обстоятельств – и всегда в таких случаях окружающие по-своему толковали ее поведение. Как правило, она в итоге уступала их воле – проще всего было соответствовать чьим-то ожиданиям и представлениям.

Высокий, величественный и откровенно богатый дом на Ланкастер-гейт, напротив парка в Южном Кенсингтоне, с детства казался ей самой дальней границей ее мира. Он располагался дальше всего, что входило в весьма ограниченный и компактный круг ее жизни; и путь туда был отмечен впечатляющими видами, обширными и обескураживающими. Все вращалось вокруг Кромвель-роуд или, в крайнем случае, в ближайших частях Кенсингтонского сада. Миссис Лаудер была единственной ее «настоящей» тетей – не женой дяди, а кровной родственницей; она была рядом с давних пор, все эти наполненные несчастьем годы, она не была просто родственницей – она всегда была для Кейт особенной. Резиденция тети поражала молодое поколение Кроев не только как знак статуса владелицы, но и как свидетельство достатка, на который им самим рассчитывать не приходилось. Когда Кейт думала о прошлом, она не могла представить другую тетю Мод, и это несмотря на то, что о многом другом она легко фантазировала и представляла, как бы все могло пойти иначе. Она спрашивала себя: как же все они жили так долго в холодной тени этой Ультима Туле? Могли ли они освободиться от нее? Что из незыблемого уклада их жизни могло измениться, если бы миссис Лаудер невзлюбила их, а ведь она, вероятно, питала к ним именно это чувство. Они замечали, что порой ей приходилось преодолевать отвращение в первое мгновение встречи, когда она в очередной раз приглашала их к себе; теперь было понятно, что тетя поддерживала отношения только для того, чтобы ее сестра испытывала непрестанную обиду и сокрушение о своей участи. Эта сестра, несчастная миссис Крой, как знала ее дочь, всегда переживала унижение, а потому внушила дочерям и сыновьям особый взгляд на процветающую родственницу, нечто вроде благоговейного трепета. Тетя Мод видела это, когда племянники приходили в ее дом – как им самим казалось, слишком часто. Со временем Кейт начала догадываться, что и тетя не слишком стремилась видеть их. То небольшое, что она им предлагала, вызывало внутреннее сопротивление, конечно, никогда не выражавшееся открыто. Проявления ее внимания ранили племянников, потому что никогда не достигали цели.

Из высокого южного окна, выходящего на парк, юная леди могла заметить много нового – очень много (хотя кое-что из этого было ей давно знакомо, только в другом ракурсе), так что жизнь день ото дня являлась ей в непривычном виде, и сама она чувствовала себя чужой в этом мире. Она была уже взрослой – двадцать пять лет представлялись ей весьма солидным возрастом, слишком солидным, чтобы менять представления об окружающем, – и теперь она относилась к миру с легким сожалением, прежде ей неизвестным. Мир отличался – к лучшему или к худшему – от того, о котором она кое-что читала, и ей казалось, что годы

ее жизни были потрачены впустую. Если бы она раньше догадалась, она бы давно начала готовиться к встрече с этим миром. Каждый день она делала открытия, узнавала что-то новое о себе и других людях. И кое-что вызывало ее особый интерес и даже тревогу. Предметы и детали говорили ей о том, чего она прежде не замечала. Со стыдом она признавала, что, в отличие от прежних представлений, жизнь напоминала «готовое платье», искусно отделанное лентами и кружевом, бархатом и шелком. Все эти впечатления приносили ей немалое удовольствие. Ей нравились очаровательные комнаты, в которых поселила ее тетя; прежде у нее никогда не было такого чудесного жилья; но ее смущало подозрение, что тетя не была вполне искренна в отношении к ней. Родственница была поразительно щедра к девушке. Плоды этой щедрости племянница ощущала повседневно, с утра до ночи; но, как ни странно, подопечная лишь становилась более скованной и закрытой.

Еще одним открытием стало для девушки то, что дом на Лексэм-гарденз, несмотря на неустанные заботы миссис Лаудер, оставался мрачным, словно в нем обитали привидения. Всю зиму Кейт присматривалась к обстановке и укладу жизни, особенно когда оставалась одна, а это случалось часто, так как траур давал ей основания соблюдать некоторую изоляцию от других; именно уединение позволяло ей замечать прежде скрытое от глаз. Впечатлительная девушка всегда чувствовала незримое присутствие тети Мод, сидевшей этажом ниже, довольно далеко. Она напряженно вслушивалась в призрачные звуки, она могла сказать, когда на другом этаже разводили сумрачным декабрьским вечером огонь в очаге. Она замечала и знала так много, что это знание начинало завораживать ее, связывать с этим домом; она словно стала его частью – деталью интерьера между небольшой, обтянутой шелком софой у камина и огромной серой картой Миддлсекса на стене. По дороге в свои комнаты она отмечала все новые мелочи, многие из них находились очень высоко, и впечатление от них напоминало отдаленный рокот выстрелов над цитаделью. Она почти с удовольствием вспоминала о неделях, заполненных волнением и испытаниями: потерей матери, расставанием с отцом, напряжением в отношениях с сестрой, утратой перспектив и неопределенностью будущего, в особенности признанием факта, что, если она не будет вести себя, как говорится, достойно, то есть делать то, что велют другие, она моментально останется без средств к существованию. Она считала, что имеет право грустить и искать уединения, чувствуя, что это придает ей некоторую власть над ситуацией. Она оттягивала момент окончательной уступки – хотя не могла отчетливо сказать, в чем именно намерена уступить: будет ли это полная сдача позиций (иногда она именно так и представляла будущее) и безграничное подчинение личности тети Мод? Именно благодаря этой личности тетя Мод проявляла щедрость и оказывала влияние, создавая неясную, но ощутимую атмосферу вокруг себя – величественную и загадочную. Смутное и ясное в ее образе удачно сочеталось, скрепленное железной волей и твердой решимостью. Кейт отлично понимала характер тети и в первые дни чувствовала себя беспомощным ребенком, однако со временем освоилась; теперь ей представлялось, что рано или поздно придется войти в клетку ко львице – именно так воспринимала она теперь родственницу.

Клеткой была личная комната тети Мод, а ее кабинет, ее счетная контора – полем сражения и сценой представления; это место действия располагалось на первом этаже и выходило в главный зал, так что девушка видела ведущую туда дверь каждый раз, входя в дом и покидая его, словно это была таможня или застава. Львица ждала – это было совершенно ясно; она наблюдала за лакомым кусочком, который всегда был в поле зрения. Львица обладала даром эффектно подавать себя и разыгрывать представление – в клетке или за ее пределами; величественная, великолепная, яркая, сияющая, в неприменном атласе, сверкающих драгоценностях, с блеском агатовых глаз и черных, как вороново крыло, волос, оттенявших изумительный цвет лица – фарфорово-белый, с богатым теплым оттенком на мягких контурах лица и шеи. На ее взгляд, племянница носила слишком скромное имя, была необщительна, но обликом напоминала фигуру Британии на Маркет-плейс – не хватало только пера за ухом и шлема,

щита, трезубца и книги. Однако неправильно было бы полагать, что сила, с которой предстояло столкнуться, соответствовала этому простому образу; племянница была образованна, так что едва ли следовало доверять слишком очевидным аналогиям. Та часть Британии, которую можно назвать торжествующим мещанством, со всеми плюмажами и шлейфами, фантастической мебелью и тяжелым корпусом, фальшивым величием ее вкуса и вычурной речью, могла быть обескураживающе и опасно обманчивой. Эта часть была сложной и хрупкой Британией, страстной и практичной, с нелепым ридикюлем предрассудков и глубоким карманом, набитым монетами, на которых отчеканен ее образ – тот самый, что известен всему миру. Короче говоря, за агрессивно-оборонительной позицией скрывалась немалая мудрость. На деле, как мы уже дали понять ранее, осаждающая сторона – то есть юная леди – в столкновении с цитаделью вынуждена была постоянно думать об объекте осады, а что отличало ее от других, так это отсутствие щепетильности и морали. Так что молчаливая подготовка и наблюдения позволили Кейт выстроить общую картину: она присмотрелась к тете, оценила возможные угрозы; она затаилась и искала способ взаимодействия со старшей родственницей, занимавшей позицию на первом этаже, оценила военные и дипломатические подходы и варианты маневров. В конце концов, что может быть опаснее жизни в Лондоне? Миссис Лаудер была для нее воплощением Лондона – самой жизни с громом осады и жаром схватки. Но оставалось то, чего опасалась наша Британия, а вот тетя Мод не боялась ничего – как выяснилось, даже неприятных тем.

Кейт собирала и запоминала все эти наблюдения и оценки, не делилась ими даже с Марианной, которая заходила довольно часто и пыталась расспрашивать ее обо всем, что происходит в доме. Одна из причин подобной скрытности заключалась в том, что решающий разговор с тетей Мод приближался и девушка хотела сохранить относительную свободу в переговорах и не хотела, чтобы старшая родственница заранее о чем-то догадалась. Самым трудным в ее положении было то, что беседы с сестрой подрывали уверенность, лишали ее отваги, связывали руки, усиливая чувство одиночества из-за угрозы разрыва последних кровных связей с родными людьми. Теперь она лицом к лицу встала перед необходимостью оценить важность родства, и процесс, начатый смертью матери, приближался к кульминации. Ускользающий, ненадежный отец, бескомпромиссная и склонная к моральному шантажу тетка, обделенные средствами племянники и племянницы составляли своего рода хор, дополнявший и усиливавший главную партию отношений с сестрой. Обдумывая свое положение и присматриваясь к Марианне, она вынуждена была разобраться с природой кровного родства. В прежние времена мерой оценки было чувство долга, но те дни миновали, она словно родилась заново; прежде она думала, что Марианна необычайно хороша собой, никто не сравнится с ней в очаровании, уме, так что она заслуживает безграничного счастья и успеха. Но теперь по многим причинам изменились ключевые установки. Сейчас сестра не казалась ей такой красавицей, да и оснований считать ее особенно умной больше не было; разочарованная, деморализованная, переживающая свою несчастную судьбу, недовольная, она выглядела старшим подобием Кейт. И это побуждало саму Кейт что-то предпринять, изменить свое положение; в неуютном Челси, в маленьком домике, за который можно было платить невысокую ренту, сестра ощущала себя как в ловушке. И Кейт внезапно поняла, насколько эгоистичным выглядит разочарованный человек; она удивлялась тому, что Марианна принимала как нечто само собой разумеющееся вторичность, ограниченность жизни. Скромное существование в домике в Челси, моральные принципы, сдерживающие любые попытки перемен, – все, что ей оставалось. Люди слишком много требуют друг от друга и даже не замечают, как поглощают чужую жизнь. Они делают это автоматически и без особого удовольствия.

Она не находила больше оправдания неудачам и неудобствам, никто не должен поддаваться им и привыкать. Всегда есть нечто большее, чем ты сам, следовательно, нельзя смиряться с обстоятельствами. Однако она никогда не давала Марианне почувствовать все это, Марианна не знала, о чем думала ее сестра. Кейт не считала это лицемерием, скорее, она лице-

мерила бездумно, так как держала в себе все новые мысли, считая, что они касаются только ее лично. Но самой сокровенной тайной было чувство, с которым она наблюдала, как сестра не упускает малейшей возможности продемонстрировать тете послушание; именно это показывало, насколько бедным можно стать, когда слишком много значения придаешь отсутствию богатства. Тетя Мод действовала через Кейт, используя ее как инструмент и не считаясь с ее мнением. Кейт мысленно уже сожгла корабли, и это могло пойти на пользу Марианне, а стремление Марианны извлечь хоть какую-то прибыль доходило до потери лица; в конце концов это помогало Кейт сдерживаться – если ей вообще нужны были оправдания для этого. Кейт была сдержанной за обеих, от этого она становилась более эгоистичной и предпочитала соответствовать идеалу поведения – и это тоже было своего рода эгоизмом, но ей не надо было собирать крошки с чужого стола, чтобы прокормить четверых детей. Недовольство миссис Лаудер браком старшей племянницы с мистером Кондрипом было только частью проблемы; хуже было бестолковое поведение самого мистера Кондрипа, священника в жалком приходе в пригороде, предпочитавшего вести едва ли не святую жизнь, вызывавшую бесконечный поток критики. Кроме благочестия, похвалиться ему было нечем, нечего предъявить широкому миру, он не обладал достаточным воображением, чтобы найти способы обеспечить семью или составить хоть какое-то состояние. Тетя Мод негодовала, она находила выбор такого образа жизни огромной ошибкой. Она была не склонна прощать и признавала единственный подход: взгляд сверху вниз, как на отверженных, которыми были в данном случае недостойные родственники. Среди двух мрачных церемоний, которые она ставила на одну доску, венчания и погребения, она сочла нужным посетить лишь последнюю, после которой послала Марианне довольно щедрый чек; но и это было не проявлением личной заботы, а соблюдением приличий. Она не одобряла шумных детей, у которых не было никаких перспектив; она не одобряла вдовью скорбь, от которой никакого толку; и единственное, что она мысленно позволяла Марианне, – это бесконечное чувство вины и печаль. Кейт Крой отлично помнила, как по-своему переживала сходные чувства их мать, считая выбор Марианны откровенным провалом и ударом по всей их маленькой семье; в этом их мать оказалась согласна со своей благополучной сестрой. И если такие чувства могут объединять, не следует ли Кейт категорически отсечь столь жестокую гордость? Полученный урок оказался болезненным для юной леди, и особенно остро она переживала его на следующий день после разговора с отцом.

– Не могу представить, как ты можешь думать о чем-то, кроме ужасного положения, в котором мы очутились, – заявила Марианна.

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю? – отрезала Кейт. – Мне кажется, я предоставила тебе достаточно доказательств того, что забочусь о тебе. Дорогая моя, я и вправду не знаю, что еще могла бы для тебя сделать!

Ответ Марианны был для нее как удар, она не была готова к такому – внезапному, несправедливому. Она предвидела, что сестра испытывает страх, но обнаружила, что все гораздо серьезнее.

– Ну что же, ты занята своими делами, и кто я такая, чтобы судить тебя или читать мораль. Но в то же время, если ты умываешь руки в отношении меня, я не обязана говорить, что ты права, и имею полное право исключить тебя из своей жизни.

Разговор состоялся после детского обеда, который разделила и их мать, но от которого воздержалась молодая тетя, не желая ничего отбирать у малышей; перед женщинами лежала скомканная скатерть с остатками трапезы, мятые передники, опустевшие тарелки, сохранившие запах вареной еды. Кейт спросила подчеркнуто вежливо, нельзя ли приоткрыть окно, и миссис Кондрип ответила, что та может поступать, как ей будет угодно. Ей часто задавали подобные вопросы, учитывая удобство детей. Сейчас вся четверка малышей отправилась играть – шумно и энергично – под не слишком пристальным присмотром ирландской гувернантки, нанятой тетей Мод, чтобы не допускать полного падения стандартов воспитания в этой

ветви своего семейного клана. С точки зрения Кейт, их собственная мать не напоминала Марианну: вдова мистера Кондрипа выглядела как неудачная пародия на нее. Она была небрежнее одета, проще и прозаичнее в манерах, словно из нее вынули стержень, осталась лишь бесформенная и вялая оболочка. Она расплнела, ее лицо покраснело, она все меньше и меньше напоминала остальных членов семьи Крой, в особенности Кроев в беде, теперь она больше походила на двух незамужних сестер своего покойного супруга, которые, на взгляд Кейт, слишком часто посещали ее и слишком засиживались, результатом чего становились бесконечные порции чая и хлеба с маслом, – Кейт находила это неприемлемым. Более того, Марианна привязалась к новым родственницам, которые рассматривали и оценивали ее вещи, навязывали свои вкусы, постепенно превращая ее в свое отражение и становясь ее отражениями. Если в этом и состоит суть брака, Кейт Крой готова была поставить под вопрос необходимость супружества как такового. Пример сестры был безрадостным в любом случае и показывал, что мужчина может сделать с женщиной. И теперь она наблюдала, как парочка девиц Кондрип давила на вдову брата и настраивала ее против тети Мод, которая, в конце концов, не была их тетей! Между бесчисленными чашками чая и пустыми разговорами они вставляли высокомерные замечания по поводу Ланкастер-гейт, и это казалось Кейт вульгарным, никто из Кроев себе такого не позволял. Они настаивали, чтобы Марианна не спускала глаз с происходящего на Ланкастер-гейт, комментировали то, что Кейт там поселилась, проявляли неуместное любопытство, и молодая сестра Марианны вызывала у них безудержное желание обсуждать и осуждать. И самым нелепым было то, что Марианна сама не любила их. Но они были Кондрипами. Они говорили с ней о покойном, чего Кейт никогда не делала; разговоры на эту тему Кейт могла лишь безмолвно слушать. Она не хотела сказать даже себе: что же сделал с ней этот брак... Так что в заявлении Марианны прозвучало предостережение, просьба не переступить сложившуюся границу.

– Я не вполне понимаю, – проговорила Кейт, – что именно так задело тебя в моих словах. Уверяю тебя, я понятия не имею, что заставляет тебя испытывать такие чувства и обдумывать возможность исключить меня из твоей жизни.

– Ты не имеешь понятия! – воскликнула Марианна. – А как насчет брака с Мёртоном Деншером?

Кейт мгновение помолчала, прежде чем нашлась, как ответить на неожиданный вопрос.

– Значит, ты считаешь, если я приму такое решение, я должна буду отчитываться перед тобой, а ты из-за этого имеешь право разрывать отношения со мной? Так ты думаешь? – А поскольку сестра не отвечала, девушка добавила после паузы: – И вообще, я не знаю, с чего ты вдруг заговорила о мистере Деншере.

– Я заговорила о нем, потому что ты этого не сделала. Ты никогда не говоришь со мной, хотя я знаю... у меня есть основания. Именно поэтому я вынуждена так к тебе относиться. Если ты не знаешь, на что я надеюсь от тебя, о чем я мечтаю... я не вижу смысла даже пытаться объяснить тебе. – Марианна к концу несколько смягчила тон.

Кейт была уверена, что сестра обсуждала перспективы ее брака с мистером Деншером в разговорах с обеими мисс Кондрип.

– Если я упомянула этого человека, то лишь потому, что боюсь его. Если уж ты действительно хочешь знать, он меня всерьез пугает. Мне он совершенно не нравится.

– Но ты не считаешь опасным оскорблять меня упоминанием его имени?

– Да, – признала миссис Кондрип. – Я считаю это опасным, но как еще я могла заговорить о нем? Осмелюсь сказать, я не должна была произносить его имя. Я никак не могла найти удачный момент, но теперь я сказала и ты все знаешь.

– Знаю что, дорогая?

– Мое мнение о нем, – молниеносно отозвалась Марианна. – Это худшее из всего, что с нами происходило за последнее время.

– Это из-за того, что у него нет денег?

– Это одна причина. А еще я не доверяю ему.

Кейт ответила вежливо, но небрежно:

– Что ты имеешь в виду под этим «не доверяю»?

– Ну, я не уверена, что он способен отвечать за свои поступки. Ты должна понимать это. Ты должна найти другое решение.

– Поручить это тебе?

Марианна прямо посмотрела ей в глаза:

– Сначала ты должна принять решение. В любом случае ты должна сделать шаг, тогда и посмотрим.

– Вот уж точно! – заявила Кейт Крой; ей совершенно не нравилось, как пошел разговор, но раз Марианна предпочитает быть вульгарной, что можно поделаться? Кейт с новым отвращением подумала о парочке мисс Кондрип. – Мне нравится, как ты все устраиваешь, ты все принимаешь как само собой разумеющееся. Если любой из нас так легко найти мужа, который будет осыпать нас золотом, не понимаю, почему до меня никто этого не сделал! Я что-то не встречала множество богачей и не помню, чтобы ими специально интересовалась. По-моему, дорогая, ты живешь в плену напрасных мечтаний.

– Не в большей мере, чем ты, Кейт. Я вижу то, что вижу, и тебе не удастся запутать меня, – старшая сестра сделала паузу, достаточную, чтобы младшая успела изобразить на лице упрямое презрение, а потом смягчиться. – Я говорю не о любых мужчинах, а о знакомых тети Мод, не о деньгах вообще, а о деньгах тети Мод. Я просто хочу, чтобы ты поступила так, как она желает. Дело не в том, чего хочу я, а в том, чего хочет она. Это и для меня было бы хорошо, – в голосе Марианны прозвучало сдерживаемое раздражение. – Если я не доверяю Мёртону Деншеру, по крайней мере, я доверяю миссис Лаудер.

– Ты удивляешь меня, – парировала Кейт. – Ты рассуждаешь, как папа. Он давал мне тот же совет, если тебе интересно – вообрази только! – мы с ним вчера об этом беседовали.

Марианна и вправду заинтересовалась:

– Он пришел, чтобы встретиться с тобой?

– Нет, я пришла, чтобы встретиться с ним.

– В самом деле? И с какой целью?

– Чтобы сказать, что хотела бы переехать к нему.

Марианна была поражена:

– Покинуть тетю Мод...

– Да, ради отца.

Миссис Кондрип вспыхнула и в ужасе смотрела на сестру:

– Ты хотела...

– Так я ему сказала. Я не могла предложить ему меньше этого.

– Не могла предложить меньше этого? – ахнула Марианна. – Да что он для нас? И ты вот так спокойно заявляешь об этом?

Они смотрели прямо в глаза друг другу, по щекам Марианны потекли слезы. Мгновение Кейт наблюдала за ними, а затем произнесла:

– Я все хорошо обдумала, я много раз возвращалась к этим мыслям. Но тебе нет нужды тревожиться. Я не собираюсь переезжать к нему. Он не хочет видеть меня рядом.

Сестра тяжело дышала, и ей потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться.

– Ну, я бы тоже не захотела видеть тебя рядом постоянно, не приняла бы тебя в своем доме, можешь поверить, если это вообще имеет для тебя значение. И да, я встревожена твоим своеволием. Если уж ты, дорогая, считаешь возможным пойти к папе, тебе не следовало приходить ко мне, – Марианна заявила это с такой неопределенной уверенностью, что робкая собеседница могла бы растеряться; она умела произносить угрозы таким благодушным тоном, что

трудно было понять, насколько всерьез она настроена осуществить их. – Но если он не хочет принять тебя, – продолжила Марианна, – он, по крайней мере, проявляет сообразительность.

У Марианны всегда было своеобразное представление о сообразительности; ее сестра не раз отмечала, что хотя бы в этом она преуспела. Однако теперь Кейт знала, чем ответить, а потому не испытала привычного раздражения.

– Он не хочет принять меня, – просто сказала она, – но он, как и ты, доверяет тете Мод. Он пригрозил мне отцовским проклятием, если я покину ее.

– Значит, ты остаешься? – торопливо поинтересовалась Марианна. – Остаешься, конечно же? Я так и знала. Тем не менее не понимаю, почему я не настояла сразу, чтобы ты мне все прямо рассказала. Но ты не считаешь своим долгом говорить правду. Ты вообще когда-нибудь думала об этом? Ведь правда – величайший долг.

– Не начинай снова, – рассмеялась Кейт. – Хватит мне поучений папы насчет моего долга.

– О, я не претендую на такое же красноречие, как у него, но я хочу знать, что ты думаешь о жизни; и, вероятно, гораздо больше хочу этого, чем папа. – Кажется, Марианна готова была упоминать его теперь с добродушной иронией. – Бедный старый папа! – добавила она насмешливо.

С тем же вздохом и с той же интонацией она столько раз шептала сестре: «Бедная старая тетя Мод!» Подобные жесты отталкивали Кейт, и сейчас ей захотелось уйти. Она не была уверена, против кого на самом деле направлено было презрение, звучавшее в голосе сестры. В любом случае Кейт не хотелось продолжать ссору; она подумала, что надо бы поболтать о чем-нибудь еще минут десять, чтобы потом уйти вежливо. Однако Марианна не намерена была менять тему, и у Кейт оставалось не так уж много пространства для маневра.

– Как считаешь, кого подбирает тетя Мод?

– О ком еще может идти речь? Очевидно, это лорд Марк.

– И откуда только ты собираешь эти сплетни? – поинтересовалась Кейт с невинным видом. – Как слухи добираются до этой дыры?

Она сама не понимала, куда делась вежливость, которой она намеревалась придерживаться в разговоре. Конечно, Марианна и сама могла быть тактичнее, так что ей не на кого жаловаться. Ей хотелось напомнить о преимуществах и роскоши Ланкастер-гейт, но она не видела, как извлечь пользу из противопоставления того дома этому, бедному и жалкому. Марианна не нашлась с ответом, но и не сообщила, откуда узнала про потенциального соискателя руки Кейт; так что младшей сестре оставалось только списать осведомленность Марианны на безграничную проницательность и неуемное любопытство двух мисс Кондрип. Они жили еще беднее, чем Марианна, но умели держать ухо востро и проводили целые дни в поисках новой информации, пока Марианна, выглядевшая все более расплывшейся и массивной, предпочитала сидеть дома. Порой Кейт гадала: не посланы ли эти мисс Кондрип ей судьбой как предостережение о будущем, как образ женщины, в которую сама она может превратиться годам к сорока, если будет слишком бестолкова и беспечна? Очень многие сочли бы сейчас шуткой такое опасение, и это особенно тревожило ее. Она ведь не только опасалась свидетелей ее знакомства с Мёртоном Деншером – а с учетом мисс Кондрип их было уже пятеро; она допустила, чтобы саму возможность альянса с лордом Марком кто-то обсуждал за пределами ее дома. Этот вариант был результатом интриг миссис Лаудер, и появление сплетен служило для Кейт тревожным звоночком, что пустой разговор обретает форму общественного факта. Теперь она быстро обдумывала разные аспекты ситуации и с некоторой дрожью угадала, что несносные мисс Кондрип убедили ее сестру: тетю можно мольбами склонить к проявлениям большей щедрости. Настораживало не только то, что они разузнали имя претендента; главное – они сочли это свидетельством доброты тети к бедной племяннице и готовности помочь ей найти подходящую партию. Марианна всегда говорила о браке как о «партии», но это было неважно. Они рассчитывали на «помощь» миссис Лаудер – если не в том, чтобы подыскать легкий путь к

такому человеку, как лорд Марк, то хотя бы в чем-то ином. Марианна надеялась на улучшение своей участи, но не могла найти себе худших советчиц. Кейт успела обдумать все это за то время, пока искала удобный момент, чтобы откланяться. Для этого она дала понять, что готова пожертвовать мистером Деншером и что слухи про лорда Марка абсурдны. Расстались сестры вполне дружелюбно. Кейт больше не могла ни слушать, ни думать про лорда Марка. Она все отрицала и испытала огромное облегчение, однако будущее предстало перед ней в тревожном свете. И самой жуткой перспективой была мысль о превращении в подобие этих мисс Кондрип.

Книга вторая

I

Мёртон Деншер допоздна засиживался в офисе своей газеты, а потому временами в течение дня, чтобы подготовиться к этим бдениям, позволял себе отдохнуть, и его нередко можно было встретить в разных частях города в те самые часы, когда деловые люди скрыты от взглядов публики. Не раз к концу той зимы он прогуливался часа в три или четыре пополудни в Кенсингтонском саду, где он мог показаться стороннему наблюдателю человеком без определенных занятий. Однако он по большей части продвигался в определенном направлении – к северу; и как только он оказывался в той части парка, поведение его заметно менялось. Он брел, словно наугад, от аллеи к аллее, останавливался без видимых причин, праздно глазел вокруг, присаживался, затем внезапно менял скамью, а потом продолжал прогулку – лишь для того, чтобы вновь чередовать периоды оцепенения и активности. Он выглядел человеком, которому не то нечего делать, не то надо слишком многое обдумать; невозможно отрицать, что производимое им впечатление наводило на мысли о человеке, обремененном неким тяжким грузом дум. Неудивительно, что по его облику практически невозможно было угадать область его профессиональных занятий.

Он был высоким, худощавым, светловолосым английским юношей, в некотором отношении не поддающимся описанию, но определенно джентльменом, причем явно образованным, солидным и располагающим к себе, однако в нем не было ничего необычного или аномального, что привлекало бы внимание наблюдателя и давало бы подсказку по существу. Слишком молод для палаты общин, слишком раскован в движениях, чтобы быть военным. Утонченный для горожанина – можно и так сказать; независимо от кроя одежды, он явно обладал определенным скептицизмом, что исключало вероятность духовного звания. С другой стороны, он мог бы оказаться дипломатом или ученым; впрочем, было в нем и нечто поэтическое – но истинной артистичности ему не хватало. Надо было встать перед ним лицом к лицу, чтобы прочесть в глазах молодого человека готовность воспринимать и обдумывать идеи, но какие – об этом сказать было невозможно. Сложность оценки Деншера заключалась в том, что он выглядел расслабленным, но не слабым – праздным, но не пустым. Возможно, дело было в длинных ногах, придававших легкость походке, в прямых волосах, отлично лежавших на голове красивой лепки, а иногда внезапно отбрасываемых назад эффектным жестом поднятых рук, пальцы которых переплетались, словно владелец их в результате неосознанного порыва решил обратиться с речью к верхушкам деревьев и своду небес. Короче говоря, он выглядел рассеянным, весьма умным, склонным не замечать то, что вблизи, и всматриваться в даль; он скорее уважал правила и традиции, чем строго следовал им. В нем торжествовала та юность, составляющие элементы – более или менее драгоценные металлы – которой находятся в таком сплаве и в таком процессе ферментации, что рано говорить, во что они в итоге отольются, какой результат дадут при относительном охлаждении, коего еще предстояло дожидаться. Признаком этого примечательного сплава было то, что в момент раздражения он подвержен был некоторой слабости, – и хотя едва ли это было просто, но в такие минуты им можно было манипулировать. Из-за внутреннего противоречия он мог удивлять собеседников то терпением, то вспышками эмоций.

В один из лучших своих дней, который мы теперь описываем, он помедлил в той части сада, что находилась у Ланкастерских ворот, – и когда в заранее назначенное время Кейт Крой вышла из дома тетушки, пересекла улицу и подошла ко входу в парк, непринужденная публичность их встречи была слегка нарочитой. Если бы они были настроены на нечто отважное и

вольное, им потребовалось бы более укромное место в помещении; если бы они были застенчивы и стремились к скрытности, они бы подыскивали место подальше от окон миссис Лаудер. Встречаясь, они не задерживались у ворот, а неспешно брели по саду, так что разговор затягивался, как и прогулка, а потом присаживались на пару стульев, расположенных в тени какого-нибудь большого дерева, на некотором расстоянии друг от друга, весьма немалом. И каждый раз Кейт поначалу старалась выглядеть озабоченной и деловитой, предельно независимой. Она всячески подчеркивала, что ненавязчива и ни в коем случае не желает быть вульгарной, что ее прельщает очарование сада и прогулка здесь – дело вкуса, так что, реши тетя проследить за ней из окна гостиной или попадись на пути кто-то из числа знакомых, все было бы легко объяснить. Дело в том, что отношения между молодыми людьми были обременены таким количеством условностей, что внешняя форма их тайных встреч постепенно становилась едва ли не важнее причины, побуждавшей их стремиться друг к другу. Сила существовавшей между ними связи была велика, но, очевидно, подкреплялась она в значительной степени знаменитым законом притяжения противоположностей. Глубокая гармония, управлявшая ими, рождалась не из единства натур; но, если уж искать объяснение их страсти, сами они видели общее в мучительном ощущении своей бедности среди богачей. Едва ли новость, что благородные молодые люди восхищаются тем, чего лишены: а оба они были исключительно благородны.

Мёртон Деншер не раз говорил себе – и уже с давних пор, – что надо быть дураком, чтобы не жениться на столь необычной женщине; а Кейт Крой, пусть и не столь точно сформулировала мысли, быстро поняла, насколько драгоценна непохожесть этого молодого человека на других. Он воплощал все то, чего прежде не давала ей жизнь и определенно не могла бы дать без его участия, все те туманные высокие идеи, кружившиеся в ее голове. Ей представлялось, что Деншер в высшей степени подходит ей, а еще он загадочный и сильный; он обладал уникальным даром жить полной жизнью. Она всегда тщетно пыталась найти человека, заслуживающего доверия, и никто ни в малейшей степени не мог этому соответствовать. У нее всегда были смутные представления о высоком и настоящем, но ее пугала возможность прожить жизнь, так и не убедившись в их подлинности. И вот случай представился – и настолько необычный – при самой первой встрече с Деншером; к чести девушки, она сразу поняла это. Такая встреча, очевидно, была чем-то особенным; что касается Деншера, девушка сразу произвела на него сильное впечатление. Основываясь на привычной своей слабости – по крайней мере, сам он считал это слабостью, а силу свою видел в умении мыслить, – он полагал, что жизнь – это череда достижений и завоеваний. Из этого логически вытекало, что смысл имеет только рассуждение и разум, именно это придает ей энергию. Именно в таком ключе молодой человек, изобретательный и широко мыслящий, критически настроенный, но твердый в убеждениях, рассматривал обстоятельства – свои и Кейт Крой. Они познакомились сразу после смерти ее матери – для девушки эта встреча стала единственной радостью за последнее время; после наступила череда темных месяцев, так что окончание прежней жизни тесно переплелось для Кейт с началом новой.

Началом – к которому она постоянно возвращалась в мыслях – была потрясающая сцена; это был прием в галерее, организованный дамой, которая ловила добычу крупными сетями. Испанская танцовщица, вызывавшая в городе всеобщий восторг; американский декламатор, любимец публики; венгерский скрипач, настоящее чудо, – все они и некоторые другие стали центром внимания в компании, в которой случайно приглашенная Кейт неожиданно почувствовала себя уверенно и свободно. Она вдруг поняла, что в материнском доме жила в поразительном уединении, почти не имела знакомств в обществе и редко куда-то выходила; впрочем, двух-трех гостей она знала – и они проявили чрезвычайную приветливость и поспешили представить ее другим. Одна добрая дама, подруга ее матери и родственница хозяйки приема, пригласила Кейт и поддерживала ее там, познакомила с парой человек – отличное начало на крупном собрании, а дальше все пошло само собой, пока наконец перед девушкой не появился

высокий светловолосый молодой человек, немного неуклюжий и чуть небрежный. Он поразил ее отстраненным видом, словно – как он сам определял свою манеру – его укачало в море, это отличало его от всех остальных; казалось, он ищет повод покинуть прием, но между ними сразу установилась непонятная связь. Он заверил ее, что только встреча с ней заставила его задержаться тем вечером и как было бы жаль пропустить такой шанс. Об этом они говорили в тот же день, ближе к полуночи, все между ними шло легко и гармонично. Она отлично осознавала это, несмотря на спутанность чувств; ей свойственно было быстро и сразу воспринимать ситуацию в целостности; она уже в первые пять минут увидела, что между ними возникло нечто – ну, она не могла в точности назвать это, но оно было. Ничто и все же нечто, нечто особенное случилось для них обоих.

На том приеме они бесконечно долго глядели друг другу прямо в глаза, но все это было бы в конечном счете обычным флиртом, если бы не кое-что иное. Не просто глаза их встречались, все мысли и чувства молодых людей в этот момент сливались воедино, а когда Кейт впоследствии пыталась посмотреть в лицо фактам, странным образом оказалось, что все походило на инсценировку. Как-то раз она заметила приставную лестницу у стены сада и решила забраться по ней, чтобы полюбопытствовать, что там в соседнем саду. На самом вершине она нашла джентльмена, в тот момент погруженного в размышления; он поднялся на стену с другой стороны, используя такую же лестницу. Самое примечательное, что они не поспешили спускаться; они сидели, словно на насесте – по крайней мере, Кейт так подумала, – как будто она уселась на рею корабля. Встретившись на стене, они увлеклись беседой, а по счастливой случайности шесть месяцев спустя снова встретились. Причем встреча эта была для Лондона более чем естественной: Кейт и мистер Деншер увидели друг друга в вагоне метро. Она вошла на станции «Слоан-сквер», направляясь на станцию «Квинз-роуд», вагон был почти полон, но она нашла место, а мистер Деншер уже был там – напротив и чуть наискосок от нее; она сразу узнала его, и он тоже не сводил с нее глаз. Уже стемнело, вокруг было еще шесть пассажиров, но занимал ее только молодой человек – как будто вокруг образовалась безлюдная пустыня. Они ни секунды не колебались, не сводя глаз друг с друга, не обращая внимания на душную атмосферу вагона; ей казалось, что она заранее знала об этой встрече и что он тоже ждал ее. Они могли обменяться лишь легкими движениями в знак приветствия, улыбками и молчанием, длившимся несколько следующих станций. Кейт была уверена, что ему надо было выйти раньше, но он задержался в надежде поговорить с ней. В итоге он проехал до «Хай-стрит» в Кенсингтоне, где вышло достаточно много пассажиров, и ему представился шанс.

Он поменял место и сел точно напротив нее, и в его движениях девушка заметила явное нетерпение. Вокруг были незнакомцы, так что они могли разве что обменяться короткими ремарками, соблюдая некоторую сдержанность, но выбора не было. И в силу обстоятельств интенсивность общения без слов возрастала, так что они могли ощущать возросшую ценность встречи. Но самое удивительное заключалось в том, что до момента расставания они сплели соединявшую их цепь, и каждая станция между «Хай-стрит» и «Ноттинг-хилл-гейт», а затем дальше вплоть до «Квинз-роуд» была новым звеном этой цепи, и напряжение возрастало. На станции «Ноттинг-хилл-гейт» соседка Кейт справа вышла, и Деншер быстро занял ее место, причем времени на маневр у него было совсем немного – уже несколько секунд спустя освобожденное им место заняла некая дама. Он мало что мог сказать – и Кейт не особенно заботило, что именно он говорит; ей было очевидно, что юноша заинтересован в ней. Если будет возможность, что бы сделал Деншер? – она получила ответ на невысказанный вопрос, когда они приближались к ее станции, и юноша решил последовать за ней на выходе из вагона. Это было настоящим началом – началом нового этапа; встреча на приеме была лишь предвестием. Никогда прежде она не заходила так далеко; ранее, когда появлялся шанс маленького приключения, все казалось ей слишком вульгарным, но теперь ей самой хотелось сделать следующий шаг. Он вышел вместе с ней на «Ланкастер-гейт», и они отправились далее бок о бок – в боль-

шой мир, сказала она себе, чувствуя себя как горничная, хихикающая в ответ на заигрывания булочника.

Впоследствии она думала, что вся эта встреча и вправду напоминала ухаживания булочника за горничной. Она говорила себе, что с момента этой совместной прогулки ей пришлось, строго говоря, регулировать уровень и пределы образовавшейся связи. Он сразу же спросил, может ли встретиться с ней снова, – и она решила дать согласие на это молодому человеку, не такому уж юному и совсем не похожему на нежный тепличный цветочек. Однако она постаралась с предельной ясностью показать, что они просто знакомые, а она – истинная жительница Лондона, современная, опытная и свободная, способная устанавливать свои правила. Конечно же, она поставила в известность тетю – она вынуждена была просить о разрешении пойти на прогулку; и хотя она постаралась предельно лаконично описать свое знакомство, миссис Лаудер поразила ее тем, что в тот момент вполне спокойно приняла это. В любом случае это послужило ей напоминанием об остроте ума своей покровительницы: именно с того момента девушка призадумалась, грубо говоря, на что нацелилась тетя Мод. «Ты можешь получить кого захочешь, дорогая», – заметила тетя Мод, обычно возражавшая против того, чтобы люди следовали своим желаниям; так что прямота и неожиданность одобрения вызывали недоумение. Объяснений могло быть много, и все они казались забавными – забавными в том мрачноватом и меланхоличном смысле, который Кейт научилась понимать за время проживания под новым, уважаемым кровом. Мёртон Деншер пришел в дом в следующее воскресенье, но миссис Лаудер была столь последовательно великодушна, что позволила племяннице принять гостя в одиночестве. Впрочем, тетя взглянула на него неделю спустя, в очередное воскресенье, и пригласила на ужин, а после ужина он приходил снова – целых три раза, и тетя стала вести себя так, словно он приходит прежде всего к ней. Кейт была убеждена, что тете он не нравится, и это делало ситуацию необычайной; благодаря этому все сопутствующие обстоятельства тоже становились примечательными. Если бы все шло как обычно, она должна была бы выразить свою антипатию прямо, но теперь она словно присматривалась к нему, искала способ поймать его на чем-то. Благополучная светская жизнь научила девушку подмечать такие вещи; она улыбалась, глядя на свое отражение, удивляясь тому, что можно легко заполучить в гости того, кого захотела видеть. Когда тетя Мод желала пригласить кого-либо, она никому не поручала это, предпочитая все устраивать сама.

Но что сильнее всего занимало девушку, так это цель и направление дипломатических усилий, предпринимаемых тетей в связи с появлением в доме племянницы. Что можно было понять в сложившейся ситуации, когда родственница явно боялась расстроить ее? Может быть, тетя принимала Деншера у себя, чтобы девушка не стала скрывать другие знакомства или настаивать на общении с ним из чистого упрямства? Опасалась ли она оттолкнуть девушку и потерять контроль над ней? Подобная опасность была преувеличена – Кейт не планировала ничего экстравагантного; но миссис Лаудер ожидала от нее чего-то такого и находилась в некотором напряжении. Какое значение придавала она племяннице, откуда был странный интерес к тому, чтобы присматривать за молодыми людьми? Отец и сестра Кейт имели собственное мнение на этот счет, не отдавая себе отчета в том, как сильно это ее задевало; они считали хозяйку особняка на Ланкастер-гейт источником возможного обогащения девушки, а причину энтузиазма состоятельной родственницы видели в увлечении, даже очаровании своей властью. Они приветствовали это и даже восхищались запоздалой привязанностью богатой, капризной и зачастую жестокой стареющей женщины; примечательнее всего, что это не было результатом интриг, и родственники, удивленные поворотом событий, взволнованно ожидали выгоды и для себя. Сама Кейт придерживалась иного мнения; конечно, она знала, что красива, но существеннее была твердость характера, ум и определенная холодность; более того, она была невероятно честолюбива, и это мешало ей вести тихую жизнь – ей просто не удавалось сохранять ни мудрое спокойствие, ни наивную безмятежность. Разум порой помогал ей сохранять сдержан-

ность, даже чрезмерную сдержанность, но внутри она испытывала беспокойство; она старалась действовать в своих интересах – как они ей представлялись – и удерживаться от крайностей. В настоящее время ей казалось, что жизнь ее направляется Провидением, и даже печальная кончина ее разочарованной матери и энергичное вмешательство тети Мод, появившейся в их доме в последние дни, подтверждали это. И ее мать ушла из жизни с надеждой, что дочь не останется без присмотра.

Кейт отправилась на прогулку с Деншером сразу после визита к отцу, но по большей части они, как обычно, сидели и беседовали, словно старые друзья, расположившись у озера, в тени деревьев; они были искренними друг с другом, обсуждали любые вопросы, возникавшие в их безграничном и увлекательном юном мире; иногда они просто молчали – возможно, «долгая помолвка» и предполагает умение понимать партнера с полуслова и даже без слов. Они и вправду чувствовали себя очень давними друзьями, а не людьми, которые меньше года назад познакомились и не так уж часто встречаются. Сами их встречи представлялись сплошным проведенным вместе временем, промежутки не имели значения; они с удивлением обнаруживали, как много у них общего, и со смущением желали большего, мечтали, что у них останется предельно мало различий. Взаимное притяжение усиливалось и тем, что, несмотря на такое единение, полного понимания и официального согласия между ними еще не было. Деншер впервые задал вопрос, ответ на который казался простым, но требовал решимости. Они пришли к заключению, что слишком мало знакомы, для того чтобы объявить о помолвке, поэтому будут считать ее предварительной, а свадьба станет для них чем-то вроде удаленного святилища, к которому не проложена прямая дорога. Они рано или поздно доберутся туда, но пока находятся в пути и нет причин торопиться. У Кейт было слишком мало близких, с которыми она могла бы делиться сокровенным, так что она недоумевала, откуда отец мог узнать что-то о ее отношениях с Деншером. Конечно, распространившиеся по Лондону слухи – а они дошли и до Марианны, и, вероятно, до тети Мод – вызывали у нее удивление. Должно быть, их видели вместе. В этом нет сомнений. Ее это не слишком беспокоило, она и не заботилась об особой секретности. И что такого могли увидеть посторонние? Она была влюблена, это она понимала; но это ведь ее личное дело и никого не касается, и она всегда вела себя достойно, не нарушая приличий.

– Я думаю... на самом деле я совершенно уверена, что тетя Мод собирается написать тебе, полагаю, тебе лучше знать об этом, – она сказала это, едва они встретились, и тут же добавила: – Чтобы ты смог настроиться. Я отлично понимаю, о чем она намерена говорить с тобой.

– В таком случае не могла бы ты сказать мне, о чем?

Она немного помедлила с ответом.

– Не могу. Я бы все испортила. Она сама все отлично объяснит.

– Полагаешь, она считает меня подонком или в лучшем случае что я просто недостаточно хорош для тебя?

Они сели рядом на парковые стулья, Кейт снова медлила.

– Недостаточно хорош для нее.

– О, понимаю. Это решающий момент.

Он произнес это как констатацию, а не вопрос, но они многое констатировали, даже если одно высказывание противоречило другому. Но на этот раз Кейт не стала возражать, она лишь заметила:

– Она вела себя весьма необычно.

– Как и мы, – заявил Деншер. – Ты и сама знаешь, что мы вели себя чудовищно благопристойно.

– Для нас самих, для окружающих это так. Но не для нее, – ответила Кейт. – С ее точки зрения, все возмутительно. Она держала нас на привязи. Так что, если она попросит тебя прийти, ты должен понимать, что происходит.

– Я всегда это понимал. Меня заботит то, как ты сама к этому относишься.

– Ну... – Кейт на мгновение задумалась. – Она думает лишь о том, что ты от нее получишь.

Он пристально посмотрел на нее, и чего бы ни ждали от нее все окружающие, которые никак не могли оставить ее в покое, ей хотелось, чтобы его взгляд длился вечно. Что бы ни случилось в дальнейшем, она хотела сохранить такие моменты в памяти, сберечь их для себя, как драгоценность, и это казалось ей самой необычным, словно она могла обладать его взглядами, унести их с собой, наслаждаться ими в уединении, и эти сокровища доставались ей так легко, она ничем не расплачивалась за них. Она посмотрела ему в глаза, он был ее возлюбленным, и эта мысль радовала, но в то же время она ощущала, что потаенная любовь делает ее особенной, нарушает общепринятые нормы. Свободолюбие требовало от нее отстаивать свои права, и это не казалось ей слишком дерзким; но Деншер, хотя и соглашался с ней, постоянно удивлялся тому, как она все упрощает, иные ее представления о жизни казались ему чересчур отважными. Жизнь была сложнее – она становилась сложнее, и все же они принадлежали друг другу, и ничто другое не имело значения. По крайней мере, для нее – но и для него тоже; каждый из них обладал тем, чего остро не хватало другому. Однако снова и снова, сталкиваясь со странным и необычным, он испытывал растерянность. И было совершенно невозможно не учитывать миссис Лаудер и ее позицию. Она всегда была рядом, и присутствие ее оставалось весьма чувствительным; в какой-то момент им придется открыть двери в реальность. Она заходила во время их беседы, и они покорно смотрели на нее, как спортсмены смотрят на тренера; она вела себя как дрессировщик на арене цирка, она постоянно демонстрировала свою власть. Молодому человеку она казалась ослепительно вульгарной, но в глубине души он признавал, что этим дело не ограничивалось. Суть была не в ее вульгарности и не в том, что у нее все карты были на руках, хотя и это играло большую роль; суть в том, что она была сильной, независимой и опасной.

Он нуждался в средствах – особенно если речь шла не о его нынешней одинокой жизни; он нуждался до отчаяния; более того, положение его было тем безобразнее, что нужда во всем ее бесстыдстве и в сочетании с положением Кейт в их разговорах упоминалась как нечто забавное. Иногда он спрашивал себя: было ли это и в самом деле так забавно, особенно с учетом того, что он никогда не мыслил себя человеком состоятельным и не предполагал разбогатеть? Он довольно спокойно относился к деньгам, поэтому – после серьезных размышлений – пришел к выводу, что принимает свой статус легко. Он знал, как выживать при ограниченных средствах, он не чувствовал себя беспомощным ни умственно, ни физически, он не был инвалидом или дураком, и, оценивая себя, он не считал себя ни отверженным, ни недостойным членом общества. Только теперь пришлось задуматься о том, как могут рассматривать его в качестве потенциальной партии для брака; только теперь впервые он взвешивал свои шансы с точки зрения стороннего наблюдателя. Сидя рядом с Кейт, он воображал себе эти весы – большие и черные; они были тут, рядом, пока молодые люди говорили и слушали, вдыхали свежий воздух, смотрели друг на друга. То одна, то другая чаша весов клонила вниз, никогда не удавалось ему представить идеальное равновесие, каждый раз нечто нарушало желанный баланс. И это побуждало его задать себе вопрос, что достойнее: просить женщину испытать судьбу вместе с ним или признать, что, с точки зрения посторонних, у его подруги больше шансов преуспеть в жизни, выйдя замуж за большие деньги, ведь в этом меньше стыда, чем выбрать мужа совсем без денег. Несмотря на колебания настроения, лицо молодого человека оставалось спокойным, он был уверен, что останется самим собой независимо от того, женится или нет.

Воображение его активно работало, перед мысленным взором проносились варианты быстрого улучшения материального положения; он мог бы справиться с этой задачей, как справлялся с другими, возникавшими во время работы в газете. Он прекрасно знал, как умеет действовать при необходимости; немного удачи, немного сосредоточенности, побольше изобретательности и усердия. Он писал с невероятной легкостью, уже в десять лет его ничто не могло остановить, к двадцати он обрел еще больше уверенности; во-первых, эта работа была его призванием, во вторых, он умел потакать слабостям публики. Без сомнения, существовало множество способов быстро заработать, он перебирал их в уме, откинувшись на спинку паркового стула и сцепив пальцы за затылком. Он размышлял о том, что любые способы были таковыми лишь для посторонних. Он знал, что сказанное подругой лишь осложняло ситуацию. Теперь он учитывал и то, как она сама оценивала их отношения, ведь она говорила о них в настоящем времени, открыто и прямо, она рассказала о своем разговоре с отцом, о встрече с сестрой.

– Наша семья – просто катастрофа! – воскликнула она.

Ему показалось, что на этот раз привычная тема была для нее особенно болезненной: бесчестье, принесенное отцом всей семье, его безумие, жестокость и слабость, надломленность матери, брошенной, ограбленной и беспомощной, совершенно неспособной справиться с домом, в котором они остались, смерть двух младших братьев – одного, фактически главы дома, в девятнадцать лет, от тифа (как потом выяснилось, он заразился в том местечке, куда они отправились на лето), а другого, радости семьи, кадета «Британии», утонувшего даже не в результате несчастного случая на море, а во время купания из-за внезапной судороги, поздней осенью, в паршивой речонке, на каникулах, проведенных в доме товарища из корабельной команды. А затем нелепое замужество Марианны, словно насмешка над судьбой: ее нынешняя плаксивость и разочарование, неопрятные дети, невыносимые жалобы, отвратительные гости – все это служило дополнительным подтверждением того, что фортуна отвернулась от них. Кейт детально, но с досадливым нетерпением описывала их всех, и для Деншера в этом состояла значительная часть ее очарования: она рассказывала о семье забавно, с юмористическими подробностями, а самое прелестное – она словно освобождалась от груза, в процессе рассказа преодолевая злокозненность судьбы. Она слишком рано и слишком близко увидела жестокий театр жизни, и она была слишком умна, чтобы смириться и принять неудачи как должное; поэтому в разговоре о семье она была жесткой и почти неженственной, используя фантастический и прекрасный язык гротеска. С самого начала их отношений между ними установилась прямота и простота разговора, едва ли не единственная простота, им доступная. Они могли что угодно думать о своем положении – по крайней мере, ничто не мешало им обсуждать его. Назвать все своими именами в разговоре наедине, конечно, в той мере откровенности, которую позволял их вкус. В итоге в атмосфере постоянно чувствовалась некая недосказанность, и то, о чем они говорили, постепенно переставало служить лишь вопросом вкуса и подталкивало их дальше, когда в особые часы на плавучем островке их встреч они начинали верить, что находятся где-то далеко от привычного мира. Следует отметить, что молодой человек отдавал себе отчет в том, что именно Кейт выигрывала в большей степени от разыгрываемой ими иллюзии интимности. Ему все время казалось, что в ней больше жизни, и когда она с мрачной экзальтацией перечисляла тягостные несчастья своего дома – а ее состояние в этот момент точнее всего было бы назвать экзальтацией, – он ощущал, как мало драматизма было в серых буднях его собственной семьи. Естественно, во всем повествовании его занимал прежде всего характер ее отца, однако описание ее визита на Чёрк-стрит крайне мало давало ему для понимания этого персонажа. Если задать прямой вопрос: что именно сделал мистер Крой изначально для всей последующей цепи несчастий?

– Я не знаю... и не хочу знать. Мне лишь известно, что много лет назад, когда мне было пятнадцать, случилось что-то, сделавшее его невозможным. Я имею в виду – сначала невоз-

можным для общества, а затем мало-помалу и для моей матери. Конечно, в то время мы ничего не знали, – объясняла Кейт, – но позднее узнали; и, что довольно странно, первой выяснила, что отец что-то сделал, моя сестра. Я помню, как одним холодным, сумрачным воскресным утром, когда над городом висел необычайно плотный туман, мы не пошли в церковь, и она буквально ворвалась ко мне в классную комнату, где я сидела у камина. В свете лампы я читала книгу по истории – если мы не шли в церковь, мы должны были читать что-нибудь историческое, – и внезапно сквозь туман, просочившийся в комнату, я услышала, как она сказала, будто между прочим: «Папа сделал нечто недостойное». Любопытно, что я сразу поверила ей и с тех пор всегда этому верила, хотя она мне ничего больше не сообщила – ни в чем заключался недостойный поступок, ни как она узнала о нем, ни что случилось с ним самим, ничего больше. У нас всегда было ощущение, что все происходящее всегда было связано именно с ним; так что стоило Марианне заявить, что она уверена, совершенно уверена в том, что узнала, этого было достаточно, я приняла ее слова без доказательств – это представлялось вполне естественным. Однако мы ни о чем не спрашивали маму – это тоже было естественным навыком, я просто никогда не упоминала об этом. Прошло довольно много времени, прежде чем мама сама, по собственной воле заговорила со мной на эту тему. Он уже долго был не с нами, и мы привыкли к его отсутствию. Должно быть, она опасалась, подозревала, что мне кое-что известно, и она решила, что лучше будет представить мне свою версию. Она начала так же резко, как Марианна: «Если ты слышала что-либо против твоего отца – я имею в виду что-либо сверх того, что он дурной человек, – запомни: все это абсолютная ложь». Так я получила подтверждение, что все было правдой, хотя, помнится, я ответила ей тогда, что, безусловно, понимаю, что все это ложь. Если бы она заявила, что все правда, чувство противоречия заставило бы меня яростно отрицать обвинения, которые я могла бы услышать в его адрес, полагаю, тем более яростно и настойчиво, чем определеннее она бы его обвиняла. Однако так вышло, – продолжила девушка, – что мне не представилось возможности защищать его, и это меня иногда удивляет. Порой мне кажется, что сам этот факт доказывает, что мир – достойное место. Никто не бросал мне вызов. Отца окружало молчание, позволявшее обществу обтекать его, словно его больше не существовало. И все же моя уверенность лишь окрепла с течением времени. Несмотря на то что я знала не больше прежнего, я только сильнее верю в его вину. Вот почему, – подвела она итог рассказу, – я сижу здесь и рассказываю тебе об отце. Если ты не считаешь все это основанием для уверенности, не знаю даже, что могло бы удовлетворить тебя.

– Мне этого вполне довольно, – заявил Деншер, – но, дитя мое, я не слишком много узнал. Ты ведь, по сути дела, ничего мне не сообщила. Все так смутно, что я не исключаю какой-то ошибки. Что такого он сделал и о чем никто не может сказать напрямую?

– Что-то сделал.

– О! «Что-то!» Что-то – это ничто.

– Ну, в таком случае, – ответила Кейт, – он сделал нечто определенное. Это известно, но, бог свидетель, не нам. Но для него это стало концом. Ты наверняка смог бы все разузнать, если бы немного постарался. Расспроси о нем.

Деншер помолчал, но потом решил:

– Меня не интересует мнение общества, и я скорее язык себе откушу, чем стану о нем расспрашивать.

– Тем не менее это часть меня, – сказала Кейт.

– Часть тебя?

– Бесчестье моего отца, – она взглянула ему в глаза прямо и серьезно, в голосе ее звучали разом гордость и пессимизм. – Разве такое может не оказать влияния на жизнь человека?

Он посмотрел на нее тем же долгим взглядом, который всегда задевал ее до глубины души.

– Я должен попросить тебя доверять мне чуть больше, особенно в таких важных обстоятельствах, – произнес он, а потом, поколебавшись, добавил: – Он состоит в каком-нибудь клубе?

Она решительно покачала головой.

– Он посещал когда-то многие.

– Но потом его изгнали оттуда?

– Его изгнали. В этом я уверена. Я должна еще кое-что сказать тебе. Когда я приходила к нему, – торопливо заговорила девушка, – я предложила ему остаться с ним, стать его настоящей семьей, насколько это возможно. Но он и слушать меня не стал.

Деншер был явно удивлен.

– Ты предложила ему – «невозможному» человеку, как ты сама его назвала, – поселиться с ним и разделить все его невзгоды? – Молодой человек не мог сдержать восхищения столь красивым жестом. – Ты так благородна!

– Тебя так поразила отвага быть с ним рядом? – Она совсем не чувствовала себя такой. – Но это не была храбрость. Я сделала это ради собственного спасения – я хотела сбежать.

Он изумленно смотрел на нее новыми глазами, обнаруживая в ней неизведанные глубины чувств.

– Бежать от чего?

– От всего.

– От меня тоже?

– Нет, я ему сказала о тебе – кое-что сказала, что я хотела бы привести тебя с собой, если он позволит.

– Но он не позволил, – сказал Деншер.

– Он ничего не хотел слышать. Он не станет помогать мне, спасать меня, он пальцем не пошевелит ради меня, – продолжала Кейт. – Он просто вывернулся в своей неподражаемой манере и выставил меня вон.

– Выставил вон, к счастью для меня, – заключил Деншер.

Но она не могла остановиться, ее захватило воспоминание о той сцене.

– Мне жаль, потому что он бы тебе понравился. Он чудесный – такой очаровательный.

Ее собеседник рассмеялся – его смех, особенный, обычно побуждавший других женщин прерывать разговор, превращавший слова в нечто незначительное и заурядное, никак на нее не подействовал, она продолжала:

– Он сумел бы тебе понравиться.

– Даже при условии, что я не нравлюсь ему?

– Ну, он любит нравиться людям, – объяснила девушка. – Он бы оценил тебя и повел себя по-умному. Кто ему не нравится, так это я, а еще ему не нравится мое увлечение тобой.

– Хвала небесам, – воскликнул Деншер, – что я нравлюсь тебе, несмотря на все возражения!

Она ответила весьма непоследовательно:

– И вовсе нет. Я предложила ему отказаться от тебя, если таково будет его условие принять меня. Но это не возымело действия, вот о чем я говорю, – она тут же добавила: – Но он отказал мне без каких бы то ни было условий. Суть в том, как видишь, что мне бежать не удалось.

Деншер был удивлен:

– Но разве ты хотела сбежать от меня?

– Я хотела сбежать от тети Мод. Но он настаивал, что только с ее помощью я смогу помочь ему; и Марианна твердила, что только с помощью тети я могла бы помочь ей. Я же говорю: они все выставили меня вон.

Молодой человек на мгновение задумался.

- Сестра тоже выставила тебя вон?
- О, практически вытолкала за дверь!
- А ты просила ее принять тебя в ее доме?

– Я едва не сделала это, но она не дала мне такого шанса. Такие вот у нас милые семейные отношения. Я питала некую жалкую и глупую надежду – не знаю даже, как точнее назвать ее, – Кейт отважно взглянула на него и продолжила: – Иногда, оставшись одна, я с трудом сдерживаю слезы, вспоминая бедную маму. Ей пришлось пройти через такие испытания... они сломали ее; теперь я лучше понимаю ее, тогда я ничего не понимала, была этаким поросенком; а ведь мое нынешнее положение по сравнению с ее ситуацией можно считать блестящим успехом. Марианна именно так оценивает мои обстоятельства, и папа тоже. Для них мое положение – настоящая находка, сокровище, – сказала она безжалостно. – Единственное сокровище, которым они обладают.

В этот день отношения молодой пары категорически изменились; при всех паузах, отступлениях, торопливом обмене случайными ремарками, словно разряд молнии все изменил бесповоротно. Деншер смотрел на подругу, как никогда не случалось прежде.

– Так вот что удерживает тебя!

– Ну конечно! Эти голоса непрестанно звучат у меня в ушах. Они заставляют меня сомневаться, имею ли я право на личное счастье, на что-либо, кроме богатства и процветания, успеха в обществе и блестящей партии, от меня все ждут только этого.

Деншер помолчал.

– Ну, при определенном раскладе все это не исключает личного счастья.

Она ничего не сказала в ответ, лишь нахмурилась. И только потом посмотрела ему в лицо и просто, тихо произнесла:

– Дорогой!

Он не сразу нашел слова, а потом заговорил тоже тихо и просто:

– Мы можем решить все сразу, поженившись завтра? Ничто ведь не мешает нам заключить официальный гражданский брак.

– Давай подождем немного, – спокойно ответила Кейт, – хотя бы до вашей встречи с тетей.

– И так-то ты меня обожаешь? – сказал Деншер.

Они говорили теперь с той причудливой смесью свободы и откровенности, которая редко кому доступна, и оба понимали, о чем она говорит, когда Кейт заметила наконец:

– Ты и сам ее боишься.

Он ответил неловкой улыбкой.

– Мы послужим предостережением для молодых людей, обладающих яркой индивидуальностью и сильных духом!

– Да, – легко кивнула она, – мы чудовищно умны. Но все это довольно забавно. Мы должны находить хоть что-то смешное везде, где это только возможно. Я думаю, – добавила она не без отваги, – наши отношения прекрасны. В них нет ничего вульгарного. Я так дорожу романтикой, скрывающейся в повседневности.

Он рассмеялся, на этот раз непринужденно:

– Должно быть, ты ужасно боишься приласкать меня!

– Нет-нет, это было бы вульгарно. Но, конечно, я вижу опасность совершить нечто непоправимое, – признала она.

– Что может быть более непоправимым, чем принесение меня в жертву?

– Я не собиралась приносить тебя в жертву, не плачь, пока тебя не ранили. Я никого и ничто не буду приносить в жертву, просто таково мое положение, что приходится испробовать разные средства. Я такая, и, действуя в их интересах, я всегда помню о тебе.

– В их интересах? – молодой человек, несколько наигрывая, изобразил холодное недоумение. – Вот уж спасибо!

– А тебе они безразличны?

– Почему они должны меня волновать? Для меня они лишь досадная помеха.

Позволив себе охарактеризовать несчастных людей, о которых она ему так долго рассказывала, с такой грубоватой откровенностью, он почти ожидал ее вспышки. Ему даже нравилось, когда она вспыхивала гневом, добавлявшим ей яркости.

– Почему бы тебе не вести себя повежливее, если мы хотим избежать глупостей? Мы можем удержать ее на нашей стороне.

Он пристально глянул ей в глаза:

– Получить от нее содержание для нас обоих?

– Ну, подождем хотя бы, пока она не выскажется прямо. Он немного подумал:

– Посмотрим, что мы можем получить от нее?

Кейт ответила не сразу.

– В конце концов, я никогда не задавала ей вопрос напрямую; никогда, даже в самой отчаянной ситуации, ни о чем ее не просила, и это она захотела пригласить меня в свой дом. Она буквально вцепилась в меня своими восхитительными золочеными когтями.

– Ты говоришь о ней, как о стервятнике, – заметил Деншер.

– Назовем ее орлом – с золоченым клювом и крыльями, пригодными для большого полета. Когда она поднимается в воздух, я не чувствую себя в безопасности. Она выбрала меня, не я ее.

Нарисованный ею образ на мгновение захватил воображение Деншера.

– Значит, она видит в тебе нечто важное!

– Чудеса! – И она добавила быстро и довольно громко, одновременно поднимаясь со скамьи: – Всё. В этом-то и дело.

Так оно и было. Когда девушка встала, молодой человек вынужден был смотреть на нее снизу вверх.

– Так это ты имеешь в виду, когда предлагаешь мне сыграть свою роль в ее представлении?

– Поговори с ней, поговори, – нетерпеливо повторила Кейт.

– И пресмыкаться перед ней?

– Ах, поступай как знаешь! – И она решительно пошла прочь.

II

Он долго смотрел ей вслед, достаточно долго, чтобы отметить в посадке ее головы, в гордой поступи – он не мог найти слова проще – то, что отчасти объясняло поступок миссис Лаудер. Он внутренне вздрогнул, представив себя в качестве контраргумента; в то же время, глядя на источник вдохновения тети Мод, он готов был на любые уступки и соглашения, практически на любую форму повиновения или мало-мальски выгодный компромисс, лишь бы облегчить жизнь подруге. Он поступит в соответствии с требованиями ее тети, его собственные предпочтения в данном случае не так уж важны. Ради Кейт он сделает все, что в его силах; весь остаток дня и следующий день ее осуждение, резкий уход, изящный силуэт, удаляющийся от него, словно линия от удара хлыстом по воздуху, маячили перед его взором, составляя самую суть его будущей встречи с миссис Лаудер. Он, очевидно, не будет пресмыкаться, едва ли он к этому готов; однако он явится перед ней терпеливым, сдержанным, разумным, открытым для уступок и предельно дипломатичным. Он будет умным, очень умным, хотя для этого надо хорошенько встряхнуть себя, как, бывало, встряхивал он старые, выдавшие виды, дешевые, но дорогие для него часы, чтобы вернуть их к жизни. Слава богу, для этого не требуется слишком

много усилий, он сумеет отыскать в себе нужные качества, какими бы жалкими ни были его поражение и капитуляция – столь скорая капитуляция. Он размышлял не только о худшем повороте событий, то есть о полной катастрофе и отказе от шансов на их счастье, он воображал – с немалым тщеславием и юношеской верой в свои таланты – полную победу над миссис Лаудер. Наконец, оказавшись в просторной гостиной этой почтенной дамы, в ее апартаментах на Ланкастер-гейт, в гостиной, поразившей его роскошью, он ждал ее, явившийся по вызову, словно посыльный, но все еще цеплялся за радужные мысли, таявшие по мере столкновения с реальностью, явленной ему самим видом этого дома.

Он ждал долго – ему показалось, что не менее четверти часа; и, по мере того как тетя Мод выдерживала его в этом положении, а наблюдения и размышления наваливались на него все более тяжким грузом, он неминуемо стал задаваться вопросом: на что можно рассчитывать в разговоре с человеком, который обращается с тобой подобным образом? Время визита выбрала она сама, так что ее промедление, несомненно, было частью плана – поставить его в самое неудобное положение. Он прохаживался туда-сюда, считывая послание ее массивной, вызывающе дорогой мебели, наталкиваясь на выразительные знаки и символы того, что чувство неудобства было создано преднамеренно. Он даже подумал неожиданно для себя, что у него нет пространства для маневра и отступления, и все это – величайшее унижение, которое только может испытать гордый человек. Оно еще не было определенным, ничего пока не случилось, но огромные тяжелые предметы красноречиво заявляли о статусе своей хозяйки – столь внушительными, столь агрессивно мощными они были. «Знаешь, если уж говорить начистоту, она чудовищно вульгарна», – однажды он чуть не сказал это про миссис Лаудер ее племяннице; едва удержавшись в последний момент, он оставил эту опасную мысль при себе. И это было разумно, потому что рано или поздно Кейт сама поймет и скажет подобное. Теперь он физически ощущал невыносимую скуку этого дома, что странным образом не означало, что сама тетя Мод была скучна или занудна. Она была вульгарна, несмотря на свежесть, почти красоту, да, она была красивой – насколько позволял ее сильный и властный характер. Она была достаточно изобретательной, чтобы вести большие игры; и сейчас он ощущал себя в клетке львицы, лишенный хлыста, необходимого для самозащиты и хотя бы попытки действовать в своих интересах. У него было никаких средств воздействия на нее, никаких аргументов, кроме любви к девушке – а в этом доме любовь выглядела безнадежно, болезненно дешевой. Кейт неоднократно упоминала в разговорах с ним, что тетя была Страстной натурой, так нажимая на это слово, что оно представлялось ему написанным с заглавной буквы; она намекала, что это свойство он мог бы, должен был бы использовать в своих целях. Теперь он недоумевал, как сделать это и что это дает ему; чем дольше он ждал, тем более сложной виделась ему ситуация. Ему решительно не хватало одного качества. Он все привык делать быстро.

Медленно прогуливаясь туда-сюда, он постепенно терял терпение; с каждым шагом росла пустыня его нищеты; пространство гостиной превращало его в малость, и надежды его на спасение казались теперь не больше, чем у потерявшегося в пустыне. Дом на Ланкастер-гейт был слишком богатым, в этом все дело; он ничем, даже отдаленно, не напоминал его собственное жилище. Он многословно и внятно заявлял о себе, и молодой человек критически всматривался в него, удивляясь своей эстетической реакцией. Несмотря на многократные ссылки Кейт на ее бунтарские вкусы, он понятия не имел прежде, что его может так шокировать декор дома, избранный независимой современной дамой. Язык этого дома, громогласный и отчетливый, обладал неожиданной широтой и свободой, порождал ассоциации и идеи, указывал на идеалы и возможности хозяйки. Молодой человек с дрожью признавал, что никогда прежде не видел ничего, столь величественно уродливого – и, безусловно, столь безжалостного. Он обрадовался последнему определению, как находке, оно объясняло весь характер дома в целом; «безжалостный» – это подошло бы для статьи, его разум привычно заработал, перемалывая впечатления и подбирая для них форму выражения. Он написал бы о вызревающем здесь ужасе, поднима-

ющем голову в эпоху, которая гордится победой над ложными богами; было бы даже забавно получить от миссис Лаудер уменьшенную копию такого чудовища. Здесь было нечто могучее, темное – он мог бы упомянуть об этом в статье; он обнаружил, что легче смеяться над ужасом, чем терпеливо переносить его. Он не был уверен, к какому стилю отнести дом: ранний викторианский или средневикторианский? Можно ли вообще свести все это к единому знаменателю? Единственное было несомненно: великолепие и решительно британский характер. Соблюдение ордера, изобилие редких материалов – ценных пород дерева, металла, текстиля, камня. Он не смог бы помыслить такое количество оборок и рокайля, пуговиц и шнуров, туго затянутых, закрученных. Он не смог бы помыслить такое количество позолоты и стекла, атласа и плюша, розового дерева, мрамора и малахита. А главное – столь мощные формы, столь тщательную проработку деталей, столь вызывающую цену всего, демонстрацию убеждений и денег, здравого смысла и уверенности. Наконец, обстановка представляла собой полное отрицание его собственного образа мыслей, и он со всей ясностью и безнадежностью понимал это. Она разоблачала перед ним всю беспощадность различия.

Тем не менее его разговор с тетей Мод не слишком противоречил его изначальным ожиданиям. Несмотря на безусловную страстность натуры, на этот раз миссис Лаудер не угрожала и ни к чему не призывала. Вероятно, орудия агрессии и обороны были у нее под рукой, но она к ним не прикасалась, даже не упоминала о них; на самом деле она была такой вкрадчиво-любезной, что он только позже осознал, с какой прямоотой она действовала. Он справедливо предполагал наличие сокровенных мыслей, усложнявших дело, но он не знал, что это, возможно, не более чем искреннее благоразумие. Иначе говоря, ее любезность была не просто политикой – он не был настолько опасен, чтобы прибегать к политическим приемам; он догадывался, что она и вправду относилась к нему с некоторой симпатией. Это придавало ей привлекательность, располагало – кто знает, что может случиться, если и он будет испытывать к ней симпатию? Ну что же, он готов был рискнуть. Она в любом случае могла побороть его одной левой, ничтожным залпом. Минут через десять он без всяких объяснений с ее стороны видел, что она заставила его ждать без всякого злого умысла; к этому моменту они подошли вплотную к ее главной цели. Она хотела, чтобы он обдумал ее предложение, – не надо давать немедленный ответ, пусть он пойдет к себе, взвесит все в спокойной обстановке. Первый ее вопрос заключался в том, понимает ли он, на что она намекает; и это подразумевало столь многое, что сразу породило пространную и открытую дискуссию. Он сразу правильно понял этот намек: она хотела, чтобы он забыл о демонстрации ее силы, что при желании он легко сможет ее понять и что источник ее силы – в заинтересованности в конечной цели, а не в мощи воображения, материальном богатстве или чем-то ином. Он вынужден был признать, что ему не следует опасаться ее, ему надо просто понимать, понимать без потакания слабостям или своим страстям. Исключительно игра ума побуждает к действиям, вероятно, к сокрушительным действиям, к потребности что-то менять и упрощать; но, если задуматься, станет ясно, что надо довериться естественному ходу вещей. Дело не в самих ошибках, а в упоении ими. И ему надо использовать свой острый ум, чтобы сопротивляться этому. А миссис Лаудер уж сообразит, как ей это использовать.

Только когда она приступила к изложению своих соображений по поводу Кейт – с такой естественной манерой подразумевать, что он-то, конечно, понимает, насколько все это важно, – он отметил про себя, что она его почти ненавидит. Она старалась представить все предельно позитивно, оправдать свои намерения, подчеркнуть, что она не делает ничего дурного.

– Понимаете, если бы я не была готова идти гораздо дальше, я не достигла бы того, что имею. Мне не важно, что вы говорите ей, – чем больше вы повторяете это, тем лучше; в конечном счете она сама все знает. Я ничего ей не диктую; признаюсь вам: когда я хочу сообщить нечто моей племяннице, я умею делать это прямо.

И тетя Мод изложила свою позицию с простотой и благожелательностью, но совершенно ясно; она указала, что мудрых слов – при всей их пользе – не всегда достаточно, а вот сказанное ради добрых целей обязательно их достигает. Из ее слов молодой человек понял, что нравится ей, потому что он хороший человек – по ее мнению, достаточно хороший, – достаточно хороший, чтобы отказаться от ее племянницы и оставить ее в покое. Но достаточно ли он хорош по собственным меркам? Он размышлял об этом, пока она более подробно объясняла, что, возможно, его судьба – доказать это.

– Она замечательное создание, вы, безусловно, льстите себе, полагая, что знаете это. Но я-то это знаю – как, возможно, и вы способны узнать, но мне намного виднее; и само доказательство этому, полагая, будет предъявлено в ваших действиях. Дело не в том, что она моя племянница, – это для меня ничего не значит, у меня могло бы быть пятьдесят племянниц, и я бы ни одну из них не привела к себе в дом, если бы они мне не нравились. Не говорю, что я бы ничего для них не сделала, но пригласить к себе – совсем особое дело. К счастью, я рано обратила внимание на Кейт; к прискорбию для вас, все, что мне нужно, это присутствие Кейт; как вы прекрасно понимаете, я рассчитываю на нее в свои преклонные годы. Я долго присматривалась к ней, приближала и отпускала ее, относилась к ней как к долгосрочной инвестиции; и сейчас она начала приносить свои плоды, так что я ожидаю гораздо большие дивиденды в будущем. Я могу много для нее сделать, и у меня есть свои соображения, что пойдет ей во благо.

– О, отлично вас понимаю, – сказал Деншер. – Вы не считаете, что я буду ей во благо.

Тень прошла по лицу миссис Лаудер, словно кто-то задернул шторы и скрыл освещенное в ночи окно. Повисла пауза, которую непросто было преодолеть. Светские манеры и блистательная холодность никак не помогали собеседнику выйти из неловкой ситуации.

– Я просила вас прийти и выслушать не то, что не пойдет ей во благо, – наконец произнесла она. – Я хотела, чтобы вы выслушали, что пойдет.

– Конечно, – рассмеялся Деншер, – это просто отлично.

Хозяйка дома продолжала, словно его реакция не имела значения.

– Я хочу видеть ее высоко, очень высоко в жизни – в лучах самого яркого света.

– Вероятно, вы хотите, чтобы она вышла замуж за герцога, и стремитесь убрать все препятствия с ее пути.

Ее реакция была как приподнятые ставни, на мгновение он почувствовал, что задел ее и она приоткрылась по-настоящему. Он замечал подобные моменты в общении со значительными и холодными общественными деятелями, но не мог припомнить такого у светской дамы. Только теперь он оценил, насколько велик ее интерес к реализации своего плана и увлеченности потенциальным успехом Кейт. «Не надо быть столь совершенной!» – на мгновение с тревогой подумал он о своей подруге, а затем, по мере того как говорила тетя Мод, задумался, легко ли девушка с ним расстанется.

– Я хочу, чтобы она вышла замуж за влиятельного человека. – Вот и все, но этого было недостаточно, и она добавила: – И у меня есть свое мнение на ее счет. Вот так обстоят дела.

Некоторое время они сидели лицом к лицу, и он чувствовал, что за всем сказанным кроется что-то еще и она хочет, чтобы он догадался, что именно. Она взывала к его интеллекту, к той широте ума, которую надеялась в нем найти. И он действительно был не из тех, кому не хватает сообразительности.

– Естественно, я понимаю, как мало соответствую столь горячим и гордым мечтам. У вас есть видение цели – мощное видение; и я целиком и полностью признаю его. Я отдаю себе отчет в том, что я не тот человек, и я весьма обязан, что вы не стали напоминать мне об этом более грубым образом.

Она промолчала – все шло по плану, и она готова была предоставить ему возможность самому все сформулировать, если он на то способен и если ему хватит духа. В подобной

ситуации не предполагается демонстрировать свою бедность, если, конечно, человек не предпочитает проявлять ослиное упрямство. Все было предельно просто: с точки зрения миссис Лаудер – а другой точки зрения не допускалось, – он обладал малой ценностью и чертовски хорошо знал, что способен повышать ценность. Он хотел сказать все как можно проще; но в момент концентрации усилий его поразила другая, более глубокая мысль. Тетя Мод каким-то невероятным образом почувствовала это внутреннее движение собеседника, хотя он и впоследствии не мог угадать, как ей это удалось.

– Я считаю, что вы значите для нее гораздо меньше, чем думаете, и я не собираюсь превращать вас в мученика, запрещая встречаться с вами. Ваши с Кейт представления в парке нелепы настолько, что заставили меня уделить им внимание; и я предпочитаю видеть вас в своем окружении, тем более вы по-своему очаровательны, дорогой мой, и я готова принимать вас, общаться с вами наилучшим образом. Неужели вы думаете, я столь глупа, чтобы устраивать скандалы без необходимости? Да и сама мысль о подобной необходимости абсурдна! Я в любой момент могу вам голову оторвать, стоит мне рукой шевельнуть; но я сейчас хочу договориться с вами совершенно честно, без малейшего ущерба для вас. Я предельно доброжелательна, посвящаю вас в свои планы, и это означает, что воспринимаю вас совершенно серьезно. Вы можете находиться сколь угодно близко, не беспокойтесь, что навредите ей! Поступайте как пожелаете.

Позднее он думал, что она не стала бы говорить все это, если бы не была уверена, что вскоре сможет удалить его от племянницы. Но в тот момент его поразило предложение не требовать от него никаких обещаний, отсутствие попыток заплатить ему за исчезновение или взять с него слово чести не вмешиваться в жизнь девушки, так что он с готовностью признал ее благородство. Сразу после этой встречи он рассказывал о ней Кейт и впервые заметил, что в изложении – и он сразу признался в этом девушке – все это напоминало расставание пары влюбленных, желающих избежать вражды: «Я искренне надеюсь, что вы всегда будете видеть во мне друга». Возможно, тут он зашел слишком далеко – отметил он, обращаясь к Кейт; однако во время встречи все было так естественно и виделось в ином свете. Еще до окончания их разговора с тетей Мод возникли другие нюансы, но ее твердое намерение не видеть в нем угрозу преобладало над остальными соображениями. Во время последовавшей прогулки с девушкой им было о чем поговорить, так как резкое расставание накануне побудило его оказать услугу своей газете и согласиться на поездку в Америку на пятнадцать – двадцать недель. Идея опубликовать серию писем из Соединенных Штатов, представляющих страну с сугубо социальной точки зрения, уже не раз обсуждалась в кулуарах редакции, на высшем уровне, и удачный момент настал – решение созрело, двери распахнулись прямо перед Деншером, так что он с удивлением обнаружил, что получает шанс оторваться от скромного офисного стола и чернильных будней. Он заверил Кейт, что просто не имел возможности отказаться, – не то у него положение, чтобы отказывать начальству в исполнении заданий; но тут он покривил душой, не упоминая о своей радости от внезапного поворота событий. Не стал он говорить и о сомнениях в том, готов ли он к подобной работе. Впрочем, он поделился этим смущением с непосредственным начальником, и тот убедительно пояснил, что задание стало результатом неформальных переговоров, которые весьма неожиданно привели к заключению, что он идеально подходит для данной задачи именно потому, что не пытается пробиться наверх любой ценой. От него хотели писем простых и естественных – именно таких, какие он мог бы написать; он должен был найти собственный стиль и выразить личное восприятие, так что опасаться, насколько хорошо он это сделает, не приходилось.

Едва ли все могло сложиться лучше для него, особенно с учетом всех личных обстоятельств. Его миссия, как называли задание в редакции, планировалась на конец июня, и это было удобно; но времени оставалось немного, и он не должен был потерять ни одной недели; он понял, что его исследования должны быть весьма масштабными и затрагивают интересы

государства – интересы, как их толковали на высотах империи Флит-стрит, – и что цели намечены весьма амбициозные. Деншер не скрывал от Кейт, что должен назначить точный день отъезда и дать окончательный ответ начальству; он считал, что это самое важное, с чего следует начать разговор. Она заверила его, что необходимость расставания лишь сильнее укрепит их связь; она гордилась тем, что он спрашивает у нее совета в таком значительном деле и его решение зависит от нее; и она была достаточно умна, чтобы уважать его работу и его долг. Она обрадовалась открывавшейся перед ним перспективе и постаралась приободрить его; она будет ужасно скучать по нему – конечно, будет; но она больше говорила не о себе, а с торжеством и восторгом обсуждала, что он сможет увидеть и сделать. Он даже посмеялся над ее наивностью, хотя и не набрался отваги признаться, как много его текстов регулярно отправляется в редакционную корзину. В то же время его обрадовал ее взволнованный интерес к происходящему на Флит-стрит, тем более что он надолго расставался с привычным рабочим окружением. Перед ним открывался шанс пробиться на первые страницы – именно этого от него и хотели; и это значило для него больше, чем все Соединенные Штаты вместе взятые; хотя эта поездка могла разрушить его карьеру в случае провала миссии. Его выбрали, потому что он не был обычным собирателем сплетен и не пытался просочиться во все дырки; от его писем ждали новой, серьезной интонации – такой интонации, которая смогла бы послужить примером для других в будущих публикациях.

– С твоим пониманием сути дела из тебя выйдет превосходная жена журналиста! – в восторге воскликнул Деншер.

Но она лишь слегка возмутилась в ответ:

– А чего ты ожидаешь? Как могла я не понимать тебя, если так сильно забочусь о тебе?

– Ах, тогда я скажу иначе: как же ты обо мне заботишься!

– Да, – серьезно кивнула она, – это честно описывает всю степень моей глупости. Тем более мне представился шанс продемонстрировать это, воображая твои перспективы.

Она говорила о будущем с такой беззаботностью, что он почувствовал смущение и необходимость сменить тему и отчитаться о встрече с настоящим повелителем их судьбы. Переход к этому сюжету был отчасти блокирован новостями с Флит-стрит; но на пике их счастливой болтовни эта невысказанная тема постепенно просачивалась в сознание каждого из них, и мало-помалу сплетение двух сюжетных линий стало неизбежным. Более того, прежде, чем попрощаться, молодой человек хотел узнать, почему Кейт только что рассуждала об их совместном будущем, словно оно несомненный и свершившийся факт; ему казалось, что надо быть более реалистичными и это лишь усилит их конечную радость. Они смотрели на ярко освещенный квартал, когда она задала вопрос, касающийся их способности успешно провести игру в долгое ожидание. Несколькими днями ранее она настаивала на его встрече с тетей, и после часа, проведенного наедине с этой дамой, Деншер не удивился тому, как девушка воспринимает попытку представить жалкую картину в максимально радужном свете.

– Если она согласна принимать тебя, разве этого не достаточно?

– Этого достаточно; с ее точки зрения, это все, что нужно. Это залог того – я имею в виду то, как оценивает ситуацию миссис Лаудер, – что я не стану осложнением, потому что ты сможешь видеть меня часто и без усилий. Она уверена, что я нуждаюсь в деньгах, и это дает ей время для маневра. Она уверена, что я обладаю достаточной деликатностью, хочу добиться максимального успеха, прежде чем приставлю пистолет к твоему виску с требованием своей доли. Время позволит ей правильно расставить фигуры, поможет ей не потерять свое влияние на тебя, дурно со мной обращаясь. Более того, она вовсе не желает дурно со мной обращаться, – продолжал Деншер, – насколько я понимаю, как бы смешно это ни звучало, я ей даже понравился, и если бы на кону не стояла ты, она бы даже выбрала меня в качестве своего рода ручной собачки. Она способна оценить интеллект и воспитание; ей нравится украшать ими свой салон, включать что-нибудь этакое в программу; я уверен, ей даже досадно, что я оказался весьма

симпатичным и таким недопустимым одновременно. – Он сделал паузу, и подруга заметила тень улыбки на его лице – странной, призрачной и горькой улыбки. – Я подозреваю, что она убеждена – мне надо предоставить шанс, и я сам, собственными руками уничтожу наши перспективы, дай мне только волю. Как я уже говорил, многое не было высказано напрямую. Я не тот тип романтического влюбленного, способного устоять перед регулярным употреблением, привычкой, повседневностью. Если допустить это, твоя гордость и твои предрассудки довершат дело! Гордость будет питаться окружением, которое тетя для тебя выбирает, а предрассудки расцветут при сравнении, которое она тебе предоставит и при котором я непременно проиграю. Я ей понравился, но не настолько, чтобы усомниться в том, что меня легко представить в невыгодном свете. И тогда я разонравлюсь тебе.

Кейт выслушала его рассуждения с интересом, но без малейшей обеспокоенности; а затем, вернув ему легкий цинизм анализа, ответила:

– Понимаю, понимаю, какое же великое предприятие она затевает в мою честь! Надо быть настороже, а тебе следует углубить произведенное впечатление.

– Полагаю, ты права, – сказал Деншер, – считая необходимым максимальное углубление.

Он дал ей предостаточно поводов для размышления. – То, как она бросила тебе вызов... это все ужасно сложно, знаешь ли, обычно при знакомстве она бывает весьма сдержанной.

– О, она была величественной, – отозвался молодой человек, – она была на высоте, мне вчера пришло в голову сравнение с колесницей Джаггернаута², пока я ждал ее на Ланкастер-гейт. Предметы обстановки гостиной походили на странных идолов, мистические шишки, которыми оцетинилась эта колесница.

– В самом деле? – спросила девушка.

И они обменялись тем особым взглядом, когда не нужны слова и пояснения, и, несмотря на всплывший в воображении образ блистательной дамы, между ними не возникало ни одной фальшивой ноты. Были осложнения, были вопросы, но их объединяло нечто гораздо большее и важное. Кейт не стала комментировать репутацию тети Мод в области высокой дипломатии, и они оставили этот аспект в стороне, как и многие другие утонченные приемы, в качестве памятника ее власти. Однако Деншер продолжал свой рассказ о столкновении с колесницей Джаггернаута; он ничего не упустил, в том числе подробно описал финальное откровение тети Мод, хотя ему понадобилось совершить усилие над собой, чтобы не обойти вниманием то, как она охарактеризовала его иностранный акцент, его предков. Она дала ему почувствовать, что он лишь наполовину британец, и ему было трудно передать Кейт, как ужасно было выслушивать все это.

– Понимаешь, мне было даже любопытно узнать от нее, – говорил он, – какое я странное существо, какая социальная аномалия в свете традиций приличного общества, особенно с учетом моего образования.

Кейт помолчала, а потом спросила:

– Почему это задевает тебя?

– О, – он рассмеялся, – она мне так понравилась; и потом для человека моей профессии ее взгляды, стиль – нечто такое, к чему надо привыкать; это общепринятые ценности, с которыми сталкиваешься на каждом шагу, мы должны считаться с установленными «кодами». А кроме того, – добавил он, – я хотел лично ей доставить удовольствие.

– Ах вот оно что, мы должны доставлять ей личное удовольствие! – отозвалась его подруга, и их слова были словно признание политического достижения Деншера.

² Воплощение слепой неодолимой силы. Происходит от санскритского Джаганнатха – «владыка Вселенной», одного из воплощений Кришны. Во время одной из индуистских церемоний четыре тысячи человек тянут огромную колесницу с его скульптурным изображением; иногда люди бросаются под ее колеса, так как верят, что это обеспечит им счастливое перерождение. (Здесь и далее – примеч. пер.)

На самом деле до его отъезда в Нью-Йорк им многое нужно было урегулировать, и затронутый им вопрос волновал Кейт более всего. Она смотрела на него так, будто он и вправду больше рассказал тете о себе, чем когда-либо рассказывал ей. Если так, это должна быть случайность, ему пришлось рассказать о своем детстве за рубежом, родителях-иммигрантах, швейцарской школе, немецком университете, и она внимательно выслушала его. Он говорил о том, что человек из общества по многим параметрам отличается от него, человек из общества – если таковое явление вообще существует – должен быть пропущен через английскую мельницу и адаптирован. Его увлекала возможность исповедаться женщине, ведь женщины видели в таких отличиях лишь повод для игры воображения. Кейт впервые увидела его в некоей целостности; выслушав его от начала до конца, она заявила, что теперь точно знает, почему влюбилась в него. Еще ребенком она жила некоторое время в Европе, за Ла-Маншем, хотя вернулась домой еще в детстве; подростком она сопровождала маму во время коротких поездок на отдых в Дрезден, Флоренцию, Биарриц – это были жалкие и дорогостоящие попытки сэкономить, и они оставили в Кейт потаенное – она желала избежать вторжения посторонних в ее внутренний мир – благоговение перед всем иностранным. Когда она осознала, как много иностранного было в Мёртоне Деншере, гораздо больше, чем она предполагала, она восхищенно взглянула на него, как на карту континента или прекрасное изображение замечательного нового автомобиля «мюррей». Он не хвастался, он умолял ее о понимании, хотя в беседе с миссис Лаудер как-то само собой подразумевалось его происхождение. Отец его на протяжении многих лет служил британским капелланом в зарубежных поселениях и имел необыкновенное несчастье не искать повышения. Его карьера за границей была безупречной, но оплата оставалась незначительной, он смог дать детям недорогое образование в ближайших школах, заодно сэкономив на железнодорожных расходах. Мать Деншера, как впоследствии выяснилось, практиковала примечательный вид деятельности, успех которого – насколько можно считать ее достижения успехом – во многом зависел от странствий на чужбине; прилежная и терпеливая, она копировала знаменитые картины в крупнейших музеях, начав с использования природного дара и постепенно совершенствуя свои навыки. Конечно, за границей было множество копиистов, но миссис Деншер демонстрировала чувство и твердую руку, она добилась впечатляющего качества работ, так что они неплохо продавались. Сын сохранил в памяти возвышенный образ покойной матери, он и прежде упоминал мать в разговорах с Кейт, но не входил в подробности, однако теперь он поведал ее историю во всей полноте, а она была весьма небанальной. Он говорил и говорил, настаивал на том, что является настоящим британцем: он описывал годы в Кембридже, удачные связи в отцовском колледже, которые служили свидетельством его происхождения, он рассказывал о первых годах в Лондоне. Он упоминал и то, как впервые ступил на английскую землю, как физически почувствовал ветер страны, овевающий его крылья и принимающий его на родине. Что-то случилось с ним в тот момент – что-то необратимое.

Когда Кейт Крой сказала ему, как много все это значит для нее, он ответил, что и вправду был переполнен неясным чувством и что весь этот мир избыточен для него, вероятно, он испорчен изначально и не годится для отечественной, островной жизни. Естественно, она хотела, чтобы он продолжал исповедь, заверяя его без приниженности, что, если он столь сложная и блестящая личность, это не означает, что она не способна оценить его; в итоге он упрекнул ее в том, что она превращает его далеко не благополучную историю в повод для тщеславия. Она видела его теперь совершенно необычным, почти невероятным; и хотя она поняла это с его собственной помощью, все же попыталась польстить ему и тем склонить на свою сторону, ожидая помощи. Наконец, она заявила, что его критичная самооценка является лишним и драгоценным доказательством его совершенства и значительности, и постепенно их беседа приняла шуточный тон, и время летело неощутимо, и надо было все же задуматься о подготовке к его отъезду. И Кейт весело заметила, что тетя Мод будет необычайно рада перспективе его отсутствия.

– Интересно, почему же, – отозвался он, – ведь она меня совершенно не опасается.

Его подруга взвесила аргументы:

– Ты считаешь, что понравился ей так сильно, что она будет сожалеть о том, что теряет тебя?

Он тоже задумался, прежде чем ответить:

– Она выстроила столь изящную схему твоего постепенного отчуждения, которая требует моего присутствия. Разве я не должен находиться рядом, чтобы механизм сработал? Мое изгнание может сокрушить блестящий план.

Он отправил фантазию в полет, но тут Кейт остановила его. Он заметил, что ее встревожила какая-то неожиданная мысль, и постепенно на лице ее появилось очаровательное, нежное, ироничное выражение, в нем было нечто заговорщическое. Внезапно она произнесла, обращаясь к нему с поразительной красотой и решимостью:

– Я обручена с тобой навеки.

Все в ней было прекрасно, и он не мог воспринимать по отдельности лицо или жест, она буквально светилась счастьем и радостью. Лицо ее озаряло внутреннее сияние.

– Заверяю тебя – и Бог мне свидетель! – всей душой; я отдаю тебе всю свою жизнь, до последней капли.

В этом было все, но сказано это было тихо и спокойно, словно не имело значения. Они находились на открытом воздухе, в одной из аллей парка; огромная природная арка сплетенных крон отделяла их от мира и создавала уединение. Они инстинктивно удалились туда, где никто не мог их потревожить, пока у них еще было общее время, и они были предельно сосредоточены друг на друге. Теперь они обменялись клятвами верности, переживая торжественный момент единства, выдыхая слова и проговаривая каждый звук, глаза их сияли, а сплетенные руки скрепляли союз, они твердо и несомненно желали принадлежать друг другу и только друг другу. Они покинули аллею помолвленной парой; но прежде чем они ушли, случилось еще кое-что. Деншер испытал ужас, представив, как они сообщают о скором решении ее тете; и они вместе пришли к заключению, что надо проявить мудрость и терпение. Кейт не хотела лишать его расположения миссис Лаудер, на которое они пока могли рассчитывать; а раз уж каким-то чудом тетя Мод не потребовала от него обещания никогда не просить руки ее племянницы, они могут положиться на судьбу, действовать по своему усмотрению и при этом никого не обманывать. Оставалось лишь одно затруднение, и Деншер назвал его.

– Конечно, такое не случится – мы должны хорошенько все помнить, – но в любой момент она может захотеть от тебя подтверждения ее надежд на устройство твоей судьбы с кем-то определенным. Пока это общие планы, как сейчас, мы не обманываем ее, сохраняя молчание. Но, понимаешь, однажды она поставит тебя перед необходимостью принимать решение. Только тогда, только в этом случае, – заявил молодой человек, – она может потребовать кое-что от нас.

– И что же она от нас потребует? – с улыбкой поинтересовалась Кейт. – Что она рассчитывает получить от нас, это ее дело, пусть она и думает об этом. Я ее ни о чем не просила, – продолжала девушка. – Я никогда не возлагала на нее надежды. Она действует на свой риск и прекрасно это знает. Единственное, что она может нам дать, это время, которое мы у нее пока выиграли.

Деншер пристально посмотрел на нее; теперь его взгляд не был затуманен романтическими чувствами.

– Да, несомненно, в наших обстоятельствах время – это все. И сейчас мы можем им наслаждаться.

Она заколебалась:

– И нашей тайной?

– Не столько самой тайной, но тем, что с ней связано, мы чувствуем себя в безопасности, наши чувства становятся только глубже и сильнее. – Его красивое лицо осветилось счастьем и спокойствием. – Мы можем быть самими собой.

Она позволила себе помедлить, чтобы насладиться этим общим моментом близости.

– Значит, решено?

– Решено. Определенно, все решено. Однако, – он улыбнулся, – нам немало предстоит сделать.

Она ответила ему молчанием – теплым и мягким молчанием, открывавшим перед ними светлые перспективы. Они были огромны и принадлежали только им самим, счастливой паре. Они были едины и невероятно сильны; однако перед ними стояло много задач – серьезных, но вполне решаемых; они чувствовали себя разумными, уверенными и способными понимать друг друга без слов. Пока Деншер не заметил вскользь:

– Конечно, она может в любой день поставить тебя перед фактом.

Кейт подумала и ответила:

– И что с того? Естественно, она может, но я не думаю, что она намерена спешить. Пока ты далеко, она не станет предпринимать действий. Она оставит меня в покое.

– Но будут приходить мои письма.

– Их будет много? Очень много?

– Очень, очень, очень много! Невероятно много, ты сама знаешь! А кроме того, – добавил Деншер, – будут еще и твои письма.

– О, я не стану оставлять свои письма на обычном столике для корреспонденции. Я сама буду относить их на почту.

Он быстро взглянул на нее:

– Ты думаешь, что мне лучше посылать письма тебе на какой-то другой адрес? – И, прежде чем она ответила, добавил: – Знаешь, пожалуй, не стоит. Пусть все будет в открытую.

Она секунду помедлила:

– Конечно, в открытую. Не бойся, что я стану действовать скрытно. Пиши на мой обычный адрес. Я буду гордиться тем, что известно – ты мне пишешь.

Он уточнил:

– Даже если это связано с риском спровоцировать расспросы?

– Я не боюсь расспросов, – уверенно ответила она. – Если она спросит, есть ли между нами нечто определенное, я прекрасно знаю, что ей скажу.

– Что со мной все решено?

– Что я люблю тебя так, как никого никогда не любила, и что она может с этим делать, что хочет.

Она заявила это с торжествующим видом, как декларацию новообретенной веры, и молодой человек посмотрел ей в глаза, так что у обоих перехватило дыхание.

– Кроме того, она может и тебя об этом спросить, между прочим.

– Нет, пока я в отъезде.

– Ну, когда ты вернешься.

– Тогда наступит для нас момент радости, – ответил Деншер. – Но, честно говоря, следуя выбранной ею самой политике безопасности, она ни о чем меня спрашивать не станет. Она отпустила меня. И я не буду ей лгать.

– Значит, все достанется мне?

– Все для тебя, – рассмеялся он, с нежностью глядя на девушку.

Как ни странно, в следующий момент он ощутил некое подобие тени, набегающей в ясный день. Его дискриминация была весьма вероятной и естественной реальностью, и связана она была не только с его намерениями в отношении девушки. Атмосфера едва заметно изменилась – может быть, из-за традиционной разницы в понимании правды между мужчиной

и женщиной; и ощущение этой разницы словно провоцировало ее. Мгновение ушло у нее на оценку ситуации, потом она вернулась к тому, что встревожило ее пару минут назад. Казалось, вопрос свободы был для нее нешуточным. Но она подобрала изящный способ выразить свои соображения.

– Мужчины такие глупые, даже ты. Ты просто не понимаешь: если я сама буду относить письма на почту, то вовсе не потому, что намерена их прятать, это было бы так вульгарно.

– О, ты сказала – это для удовольствия!

– Да, но ты не понял... не понимаешь, каким может быть удовольствие. Есть такие тонкие чувства, – она постаралась говорить спокойнее, – я имею в виду осознанные ощущения, оценки... Нет, – отмахнулась она с досадой, – мужчины не понимают! В таких делах вы замечаете лишь то, что женщины вам говорят.

Она часто произносила подобные речи – непринужденные, веселые, энергичные, он привык к ним и даже находил их милыми, поскольку они никак не вторгались в самую суть отношений пары.

– Так вот потому-то вы, женщины, так нам нужны!

Книга третья

I

В преддверии швейцарского курортного сезона две дамы получили ясное предостережение, что их планы не продуманы, проходы в горах еще не открыты, воздух холодный, гостиницы пока не работают, но дамы проявили безрассудную храбрость и оказались в итоге ряда приключений там, где и хотели быть. Они доверились советам официантов и других служащих в районе итальянских озер, которые горячо поддерживали их замысел; они и сами понимали, что проявляют необычное нетерпение и дерзко настаивают на воплощении своей мечты – по крайней мере, это было мечтой младшей из двух дам; они вместе перебирали множество вариантов, изучали расположение и характеристики дворцов региона – их интересовали вилла д' Эсте, Каденаббия, Палланца и Стреза; одинокие путешественницы использовали поучительные тома из библиотеки путешествий, прислушивались к суждениям знатоков, меняли и уточняли детали. На самом деле их маршрут был весьма скромным, они ничем особенно не рисковали в надежде добраться благополучно до Брюнига. Им это удалось, и теперь они наслаждались поразительной красотой ранней весны в горах, хотя порой и сожалели, что не могут задержаться в пути подольше, а мест для промежуточной остановки и отдыха в это время слишком мало.

Во всяком случае, так думала миссис Стрингем, старшая из путешественниц, имевшая собственное мнение насчет нетерпения младшей, которую она порой пыталась уговорить на более умеренные варианты – как правило, понапрасну. Миссис Стрингем была очаровательна, наблюдательна и подозрительна; она полагала, что знает про Милли Тил больше, чем сама Милли, и при этом обладает привычкой и умением свои знания скрывать или использовать по мере необходимости. Менее одаренная от природы способностью решать сложные задачи, она отлично приспособилась к новым для себя обстоятельствам и новым отношениям; ее погружение в бездну сложностей началось с того дня, когда они с Милдред покинули Нью-Йорк. Она прибыла из Бостона специально ради этого путешествия; она была прежде мало знакома с девушкой, собственно, лишь несколько раз мельком видела ее; однако миссис Стрингем достаточно было мимолетных впечатлений, чтобы сделать выводы, так что она без колебаний приняла предложение стать компаньонкой; в итоге она оказалась вовлечена в предприятие, на глазах обретавшее все больший размах. Прошлой зимой в Бостоне молодая дама, о которой она теперь заботилась, впервые обратилась к ней – надо признать, очень тактично – за помощью. Скромная жизнь миссис Стрингем, исполненная приличий, не мешала ей втайне мечтать о том, чтобы выйти за границы привычного мира, однако ей не хватало на это отваги, так что все мечты оставались туманными. Воображение позволило ей уловить исходящий от молодой нью-йоркской дамы аромат тайны и авантюры; несколько месяцев спустя она с удивлением и радостью вспоминала, что мгновенно уловила этот знак судьбы.

В Бостоне у Милли Тил были друзья, впрочем, совсем недавние; она приехала к ним в гости – она заверила, что ищет уединения и покоя, которых Нью-Йорк дать ей не мог. Впрочем, она признавала, что Нью-Йорк мог дать ей многое другое; однако ирония жизни состоит в том, что никакое богатство возможностей не имеет значения перед лицом решающих испытаний или смерти. Бостон казался Милли удачным выходом и возможностью найти необходимую помощь. Миссис Стрингем никогда не забудет первое, столь яркое появление девушки – хрупкой, всегда бледной, с тонкими чертами лица, удивительно, почти болезненно угловатой; на вид ей было не больше двадцати двух лет, сияющие рыжие волосы мгновенно привлекали все взгляды, контрастируя с постоянным трауром ее черных нарядов, выбранных явно наме-

ренно. Однако это был траур на нью-йоркский манер, прическа и стиль нью-йоркские, так что даже потеря родителей, братьев и сестер, почти невыносимое бремя, сокрушившее весь мир девушки, не могла изменить этого; она стала легендой Нью-Йорка – трагедия семьи, романтическое одиночество богатой наследницы, фантастически богатой, поражали воображение. Она была совсем одна на свете, располагала огромными средствами, но для миссис Стрингем главным была сама личность девушки – необычная и привлекательная. Именно странностью своей она завоевала симпатию старшей дамы, увидевшей ее уникальность и гордившейся тем, что она, только она одна, Сюзан Стрингем, способна понять эту девушку. Сюзан устроила все так, что почти никто в Бостоне не видел знаменитую гостью, но сама она смогла взглянуть на Бостон. Она видела девушку такой, которой никто не знал ее, но никому не рассказывала об этом. Она не могла объяснить, что чувствовала, – никто не понял бы ее. Миссис Стрингем была уроженкой Бёрлингтона, Вермонт, и почитала этот город истинным сердцем Новой Англии, а самоуверенных бостонцев находила «чересчур южанами», не способными понять серьезные вещи.

Не было лучшего доказательства зародившейся дружбы, чем быстрое взаимопонимание; и очарование города отбрасывало отраженный свет на настроение девушки. Миссис Стрингем тоже обладала своеобразным характером, хотя и не столь ярким; она была прозаически обычной, хотя и весьма достойной; именно эта обыкновенность сделала ее для девушки важной частью Бостона. Старшая дама потеряла сперва мужа, затем мать, с которой жила вместе после смерти супруга; бездетная женщина остро переживала одиночество. Однако ей хватало денег на скромную жизнь: ее имя – Сюзан Шепард Стрингем – появлялось на страницах лучших журналов; она писала короткие рассказы и твердо верила, что обладает собственным почерком и талантом представлять жизнь Новой Англии, вовсе не ограничиваясь кухней. Сама она кухней не интересовалась, как и многие среди ее знакомых дам; именно к своей аудитории она и обращалась с литературной миссией. Она всегда в глубине души мечтала о литературе, ей нравилось знакомиться с моделями, знаменитостями, в основном иностранными, жизнь которых тщательно описывала; нередко ей доводилось беседовать и с теми, кого она оценивала как пустышек, так как была полна предрассудков; однако все эти люди потеряли для нее значение, едва она оказалась рядом с личностью, по-настоящему примечательной, окруженной ореолом романтики. Именно это увидела она в Милдред – и это заставляло руки ее дрожать от волнения, а перо замирать над страницей, на которую она не осмеливалась занести сведения о новой знакомой. Она словно пережила момент откровения, потрясение, которое вся прежняя утонченность Новой Англии произвести не смогла; она лелеяла маленькие воспоминания и частные детали, внезапные мелочи и признания в памяти и не желала делиться ими; к этому добавилось и чувство моральной ответственности, нечто слишком личное; она тревожилась, что дружба может угаснуть, если не получит нового развития, но боялась испортить все неловким жестом. Она готова была оставить прежние приобретения и связи, бостонские дела во имя новой жизни. «Красивая» фетровая шляпка, в тирольском стиле, с орлиным пером, придавала ее облику уютную простоватость и обстоятельность; она дополнила костюм меховым боа, уверенно балансируя на грани между респектабельностью и скромностью; она почти ежедневно посещала концерты, сохраняла сдержанные и спокойные манеры, регулярно заходила в Публичную библиотеку, собирая нужные сведения; и, наконец, – самое важное – внимательно следила за вымышленными обычно намеками на «любовный интерес» на страницах журналов, а затем осторожно проверяла достоверность слухов. Но не это было теперь главным, истинный интерес вел ее теперь в Нью-Йорк, где можно было найти ответы на два нерешенных вопроса: реальна ли ее надежда на перемену участи и встретится ли она вновь со своей знакомой?

Чтобы найти желанные ответы, она решила подобрать подходящую форму описания ситуации, она всегда прибегала к этому способу, чтобы разобраться с житейскими делами. После двух-трех встреч девушка с загадочным и трагическим прошлым, с волосами цвета ста-

ринного золота и траурными одеяниями, не похожими на простые черные платья, традиционные для траура в Бостоне, вызывавшая ощущение, что за хрупким обликом скрывается бунтарский дух и страстная натура, эта необычайная девушка вдруг сказала миссис Стрингем, что никогда не встречала людей, подобных ей. Они вызывали друг у друга равное любопытство – так сильно различались и так остро чувствовали нечто сокровенно общее; простое замечание Милли стало ключевым фактором для ее старшей знакомой; у обеих женщин не было любовных интересов, не было родных, не было желания искать новых возлюбленных; единственное, в чем они обе нуждались, так это в простом человеческом понимании и сочувствии. И тут миссис Стрингем пригодилась профессиональная привычка следить за светскими новостями; ей не пришлось расспрашивать девушку о былых событиях, и при этом она могла без труда догадаться, что та должна была чувствовать. Милли же никогда не читала колонки в журналах и не желала знать, что там о ней рассказывали. Старшая женщина охотно приняла на себя ответственность за развитие их отношений; ей понадобилось узнать как можно больше о том, что могло бы интересовать девушку, которая не склонна была упоминать подробности прошлой жизни или описывать привычки. Миссис Стрингем провела настоящее расследование и пришла к выводу, что девушке не хватает культурных впечатлений. Культура привлекала и ее саму, так что она готова была предложить свежие идеи. Умная женщина отлично понимала, насколько широки ее возможности и где лежат их пределы; она даже встревожилась, что кто-нибудь мог опередить ее и занять место компаньонки при одинокой девушке.

Удачей для нее стало пронзительное сочувствие. Ее осенило, как открыть двери к сердцу девушки, установив общий круг интересов к «картинам-бумагам». Богатая, романтическая, глубокая, девушка готова была тратить тысячи не на свою красоту, а на увлечения – нечто возвышенное, необычное, чарующее, но главной ценностью для нее была безграничная свобода – ощущение вольного ветра в пустыне, невыразимое и отчаянное, очищающее от формальностей и ограничений.

Мысли миссис Стрингем вновь обратились к Нью-Йорку, где интеллектуальная сфера была особенно обширной, она даже съездила туда, чтобы сориентироваться. Милли пригласила ее, и даме удалось скрыть свой напряженный интерес к общению; примечательно, что даже к исходу трех недель визита ей удалось сохранять непринужденность и простоту. Она почувствовала себе намного увереннее, баланс в их отношениях заметно изменился, так что домой миссис Стрингем отправилась воодушевленная. Нью-Йорк был огромным, Нью-Йорк был ошеломительным, полным захватывающих историй, с диким космополитическим смешением разных поколений переселенцев со всех концов света; она вплотную приблизилась к роскошному племени редких существ, напоминавших экстравагантные цветы, разнородные и независимые: прелестные кухни, солидные дядюшки, утонченные тетюшки, высокие, низкие, пышные и суховатые – они напоминали ей собрание мраморных французских скульптур, изящных и точеных, и все это пестрое собрание образовывало плотную толпу, ограниченную малым пространством. Дамы вместе посещали разные собрания и приемы; старшая старалась демонстрировать свой ум, а младшая держалась непринужденно и никому ничего доказать не пыталась. Миссис Стрингем размышляла о поэзии, истории, выслушивала рассуждения о Метерлинке³ и Патере⁴, Марбо⁵ и Грегоровиусе⁶. У хозяйки нашлись соответствующие книги, так что она смогла пополнить свои знания, хотя не всегда получала от этого истинное удовольствие; но все приобретения и события вскоре погрузились во мглу забвения – слишком сильно была она сосредоточена на главной теме. Все ее сомнения, весь энтузиазм постепенно слились

³ Морис Метерлинк – бельгийский писатель и драматург.

⁴ Уолтер Патер – английский эссеист и романист.

⁵ Жан-Батист Антуан Марселин де Марбо – французский генерал и писатель, автор мемуаров о наполеоновских войнах.

⁶ Фердинанд Грегоровиус – немецкий историк, специалист по Средневековью, автор огромного труда по истории города Рима.

в одну тревожную мысль – страх и вправду навредить компаньонке, поступив неуклюже или грубо. Она опасалась причинить девушке боль, и, чтобы избежать этого, а заодно избежать слишком глубокого пристрастия и обожания, она решила оставить все как есть, совершать как можно меньше действий; ведь даже самые искренние поступки с лучшими целями могут исказить совершенство наивности и простоты. Эта мысль поразила и вдохновила ее, побуждая остаться дома и положиться на судьбу.

Меньше месяца спустя, несмотря на то что миссис Стрингем хранила молчание, следуя принятому в Нью-Йорке решению, она получила предложение, которое вновь поставило ее перед сложным вопросом о пределах деликатности и возможности вторжения в чужую жизнь. Не согласится ли она отправиться в Европу в компании своей молодой подруги, которая желает начать путешествие как можно скорее и не ставит миссис Стрингем никаких условий? Обмен расспросами и уточнениями происходил посредством телеграфа; ей были предоставлены все разъяснения; требовалось отправляться как можно скорее, и она должна была немедленно принять решение. Миссис Стрингем откликнулась со всей искренностью и сразу согласилась, хотя такие перемены и выходили далеко за рамки ее ожиданий и планов. Сперва она совершенно серьезно хотела получить что-то от нового знакомства, но теперь ей казалось, что она и так уже все получила. То, что началось с яркого впечатления и интереса к необычному, превратилось в глубокую человеческую привязанность и очарование прелестным существом, в котором она угадывала большой масштаб и значительность. Она готова была отступить, оставить девушку в ее мире, признавая, что Милдред стала самым ярким впечатлением в ее жизни. Теперь, когда ситуация прояснилась и все было названо своими именами, события обрели новый масштаб; но на самом деле все только начиналось. Миссис Стрингем вспомнила выражение, которое часто использовали в газетах, описывая новые лайнеры, – им желали «семь футов под килем»; и если ты отправляешься в путь на утлой лодчонке, надо благодарить судьбу, которая дает тебе шанс зацепиться за большой корабль, способный ходить по бескрайнему и глубокому морю. Милли была таким лайнером, странно думать о ней как об одинокой девушке, которую может ранить чья-то грубость или неосторожность; она представлялась теперь левиафаном, и компаньонка могла лишь следовать безропотно в ее фарватере, отчаянно болтаясь на волнах. Миссис Стрингем испытывала истинный восторг и радость от того, что жизнь сама указала ей путь. Она решила уделить новой знакомой не ограниченное ничем время. И если она не хочет ей зла, значит, надо действовать прямо и следовать за подругой. Это она ясно понимала и хотела, чтобы девушка указала ей путь в жизни, потому что именно она могла сделать это лучше, чем кто бы то ни было другой. Но трудность, которая вскоре стала для нее очевидной, заключалась в том, что она, Сюзан Шепард – так обычно называла ее Милли – не привыкла никому доверять решения. Она была дамой с характером, и никто никогда не вел ее за собой по жизни; и она твердо верила, что прекрасно сможет сама направлять Милли и помогать ей с выбором верной дороги. Она была уверена, что знает, как лучше, и ясно видит ситуацию.

С тех пор прошло много недель и событий, и само путешествие стало самым приятным из них; они следовали южным маршрутом по средиземноморским портам, через головокружительный, продуваемый ветрами Неаполь. До того заходили еще в пару гаваней, весьма живописных; и постепенно сорок восемь часов гонки от дома до Нью-Йорка и корабля стали стираться из памяти миссис Стрингем. И великое море, озаренное солнцем, смыло последние тени былой картины мира, и на долгие дни путешественниц захватили другие заботы и перспективы, и пароходные свистки звучали для них прекраснее увертюры Вагнера. В Италии, напротив, увертюра Вагнера преобладала, а Милли спешила на север, к Альпам, и миссис Стрингем следовала за ней; причем слово «следовала» не совсем точно описывает картину, так как старшей даме приходилось постоянно поспешать, а девушка была охвачена необычайным волнением и беспокойством. Миссис Стрингем, конечно, обещала – совершенно искренне – быть неутомимой спутницей, но, по правде говоря, никак не ожидала такого темпа; порой она чувствовала,

что ее словно тащат на веревке. Для миссис Стрингем было особенно приятно использовать шанс, упущенный ее родителями, которые так любили Париж, хотя и не лучшие его стороны, и не имели практически никаких других интересов; но мелькание впечатлений – смутных и простых, без остановки и возможности оценить и заинтересоваться чем-то по пути, – первоначально составлявшее определенное странное очарование их странствий, постепенно стало блекнуть в сравнении с захватывающей свободой самого неукротимого триумфального движения и изменения. Она обнаружила в себе пристрастия и идиосинкразии, о которых не могла догадаться при обычном медленном течении жизни; а они составляют немалую часть радости будней. Среди них искусство быть драматически беспокойной и легкой, как воздух; сохранять невыразимую печаль и при этом с ясностью смотреть на мир; всегда оставаться веселой и в то же время мягкой и тихой, как закат. Миссис Стрингем уже во всем разобралась, и ее удивление и восхищение спутницей только укрепилось, а жизнь была достаточно простой, и не требовалось предпринимать усилия, чтобы угадать чувства молодой дамы; однако время от времени она обнаруживала какие-то новые неожиданности и новые аспекты.

В тот день в Швейцарии они по каким-то неясным причинам решили спуститься глубже, чем она ожидала, хотя прежде ей уже два или три раза приходилось с трудом выбираться из подобных мест, но вдруг ее снова потянуло туда. Короче говоря, теперь ее уже не слишком заботило общее беспокойное состояние Милли – обычно Европа служила отличным успокоительным для американцев, но в данном случае эффект был незначительным; в их общении постоянно присутствовало нечто невысказанное, и с самого начала путешествия оно так и оставалось тайной для старшей компаньонки. Но появился и новый повод для тревоги. Отчасти это было связано с тем, что первоначальное возбуждение стало ослабевать, и обе женщины оказались перед необходимостью справляться с текущими делами – большими и серьезными жизненными проблемами, как называла их миссис Стрингем; они возникали, как силуэты в тумане, по мере того как туман рассеивается; но девушка в силу общей рассеянности не уделяла им особого внимания. Впервые личная обеспокоенность дала о себе знать, когда старшая дама в одной конкретной ситуации поинтересовалась, не могла бы она получить нечто получше, самое лучшее – она же не в силах была сказать, что не хотела бы получить наихудший вариант, – и сделала это с традиционной американской настойчивостью. Она лишь на какое-то мгновение встревожилась, задав себе вопрос, не использует ли юная спутница ее в качестве персонажа некоей нервической драмы. Однако в конце недели, когда они совершили очередной переезд, девушка дала ей недвусмысленный ответ, продемонстрировав то, что можно было бы лишь приблизительно охарактеризовать как нервный срыв. С тех пор миссис Стрингем постоянно находилась настороже, пытаясь подыскать более внятное объяснение странному напряжению, возникавшему то и дело, ведь такое разъяснение смогло бы способствовать более полному толкованию личности Милли и особенностей их дружбы.

Манера общения девушки с окружающими оказывала существенное влияние на тех, кто находился рядом с ней, и отчасти составляла причину интереса, который она вызывала к себе. Она безыскусно и непреднамеренно провоцировала в людях сочувствие, любопытство, расположение, но трудно было определить, как ей это удавалось; неопределенность ее характера и связанное с этим недоумение притягивали к ней больше, чем какие-либо реальные качества. Миссис Стрингем могла бы сказать, что девушка смягчала изначальное недоумение, превращая его в легкую озадаченность; и ее компаньонка по здравом размышлении пришла к заключению, что в смятении и мягкости таилось очарование молодой дамы. Она не делала ничего чрезмерного, что могло бы всерьез поставить в тупик. Однако в тот день в Брюниге наблюдать за ней было все более мучительно; миссис Стрингем уже не могла убедить себя, что все идет нормально. Она пристально следила за юной спутницей, стараясь не делать это нарочито; она понимала, что некрасиво так следить за человеком, но утешалась оправданием, что действует исключительно из академических соображений и соблюдает деликатность. Впрочем, она все

равно чувствовала себя шпионкой, расставляющей ловушки и вычисляющей тайные знаки. Это могло продолжаться лишь до тех пор, пока она не разберется в самой сути проблемы; в конце концов следить за девушкой она решила исключительно ради сохранения добрых отношений, ради заботы о ней, а не во имя удовлетворения своего праздного любопытства. Более того, если уж нужно еще какое-то оправдание, удовольствие от слежки состояло в красоте. Вроде бы красота не была изначальной частью формулы, но миссис Стрингем и в первые дни знакомства была под впечатлением от красоты девушки, никогда открыто не признаваясь в этом; глупые люди – «А кто, кто из людей не глуп?» – спрашивала она себя – могли все понять превратно, и потребовалось бы слишком много ненужных объяснений. Она научилась даже не упоминать такие нюансы, если они – не слишком часто – возникали; но теперь тема явилась перед ней во всем масштабе. Теплота отношений неизбежно давала повод для оценки, и она старалась, чтобы слова не звучали подозрительно и не вызывали интереса; в целом она успешно прибегала к понятиям, которыми пользовались все вокруг. Она делала вид, что слегка бестолкова и не имеет значения, что и как она говорит; она упоминала подругу лишь в случае реальной необходимости, а про ее внешность могла сказать: «Да, в ней определенно что-то есть». Описывая девушку, она сказала бы, что у той слишком высокий лоб, слишком крупные нос и рот, лицо бледновато, и хотя черты его скорее неправильны, в них есть выразительность – и когда девушка молчит, и когда говорит. Улыбалась Милли только на приемах или в исключительных случаях. В Брюниге они решили пообедать: их очаровал город и просто захотелось там задержаться.

Миссис Стрингем пыталась сосредоточиться и понять, что ее смущает, словно туманные воспоминания о чем-то, на что в прошлом она не обратила внимания, а теперь – на свежем воздухе, наполненном ароматом весны, – память стала громко тикать, как старинные часы. В юности она провела три года в Швейцарии, в школе-пансионате в городке Веве; там она получила серебряные медали на голубых лентах, преодолевала горные перевалы, используя альпеншток. На каникулах лучших учениц брали на такие высокогорные прогулки, и годы спустя она обнаружила, что все еще помнит небольшие пики и ощущение торжества – ведь она была среди первых учениц. Эти дорогие ее сердцу воспоминания вызвали и другие – те, что связаны с двумя сестрами, рано оставшимися без отца, и их отважной вермонтской матерью; сейчас она чувствовала, что, подобно Колумбу, совершила одна, без поддержки, путешествие на другую сторону света, преодолев множество житейских бурь, и это внезапно поразило ее. Потом она вернулась мыслями к Веве, окруженному живописной природой, а потом – без особой последовательности – к Бёрлингтону; она вспоминала, как поднялась на борт, пересекла океан, снова ступила на берег, осматривалась на новом месте. Мать обеспечила дочерям пять лет обучения в Швейцарии и Германии, и младшая из них, Сьюзан, сумела извлечь из этого все возможное. Образование все изменило в жизни будущей миссис Стрингем, и она не раз признавала это, с благодарностью вспоминая одинокую, жаркую, упорную веру своей матери, что хотя бы одна из ее дочерей сумеет пробиться в высшее общество. У многих женщин было больше шансов, больше средств, но никто и не догадывался, что это служило ей источником дополнительной гордости, как будто она получала право судить их. А теперь, в новых обстоятельствах, в ходе их несколько хаотического паломничества, она с новой остротой оценивала свои достижения; внезапно ей захотелось остановиться, перевести дух, избавиться от того напряжения, в котором она провела всю жизнь. Воспоминания о давних днях настигали ее теперь снова и снова, они возрождались с прикосновением ледяного горного воздуха к ее лицу, с полузабытыми ароматами юности – запахами меда и молока, звуком коровьих колокольчиков и журчанием горных ручьев, головокружением, настигавшим в горных ущельях.

Милли явно замечала это, но, как иногда казалось миссис Стрингем, она, словно принцесса в классической трагедии, могла уделить внимание скромной компаньонке и допустить ее сентиментальность, если ее собственные чувства в этот момент не были затронуты. Но

принцесса остается принцессой, и разумная компаньонка не должна забывать об этом. Миссис Стрингем была светской дамой, но Милли Тил – настоящей принцессой, единственной, с которой Сьюзан когда-либо встречалась, и это придавало ситуации особые нюансы. Вероятно, дело было в одиночестве, каких-то невысказанных тайнах, бремени горя, обрушившегося на очаровательную девушку и заставившего ее склонить гордую голову. Милли настояла на том, чтобы обедать в этом городке, задержаться там, и пожелала осмотреть номера, где можно переночевать, она расспрашивала о том, где можно расположить экипаж и лошадей, решительно занималась практическими делами, обычно лежавшими на плечах миссис Стрингем; и это внезапно вернуло ей ощущение, что она дома, – пусть вокруг нет того блеска и величия, но все же тут она была почти дома. От молодой дамы исходило сияние уверенности и привычки повелевать, смягченное настоящим очарованием, располагавшим к ней окружающих. Ее нельзя было упрекнуть в высокомерии, и служащие охотно помогали, так что устроить дела было совсем не трудно – как при размеренном ходе дворцовой жизни. Конечно, деньги решали все, и старшая дама отмечала про себя, как многое меняется, если тебе ничего не стоит заплатить за любые услуги, с какой скоростью исполняются при этом все твои требования. Трудно было представить менее вульгарный и откровенный способ покупки людей; но правда в том, что девушка даже не задумывалась о своем богатстве и его влиянии. Она не контролировала действия и расходы старшей компаньонки, не интересовалась расходами; но в изящных складках безнадежно дорогого черного платья, края которого легко скользили по траве, в причудливых завитках роскошных волос, в модном силуэте небрежно надетой шляпки и уверенных непринужденных манерах сквозило благородное небрежение традициями и обстоятельствами; то же читалось в неразрезанных страницах антикварного томика издательства «Таушнитц», который был просто частью имущества. Она не могла избавиться от этого, не придавала этому значения, даже не задумывалась о том, что это отличает ее от других; этого не могла стереть ни рассеянная улыбка, ни легкий вздох. Даже если бы она попыталась освободиться от этого отличия, оказалось бы, что легче потратить деньги, чем избавиться от привычек богатого человека. Они стали частью ее природы.

Когда через час она не вернулась, миссис Стрингем решила отправиться в том же направлении – погода, хотя день только начинался, была хороша; с некоторым сомнением она подумала, что, возможно, девушке нужна ее помощь. Но на самом деле ее внутренним мотивом, в котором она и себе не до конца признавалась, было внезапное чувство брошенности; даже в собственных глазах всегда уверенная в себе дама рядом с девушкой превращалась в существо зависимое. Но она ничего не могла с этим поделать, да и не пыталась, ей не хотелось свободы от этой новой дружбы, ей хотелось, чтобы время остановилось. Если бы возможно было остановить вот это мгновение, размышляла она, следуя в ту сторону, куда, как она полагала, ушла Милли, – сперва спокойно, потом с легкой тревогой, поскольку никак не могла найти девушку. Дорога петляла вверх по склону, к альпийским лугам, по которым они в последние дни немало гуляли вместе, то поднимаясь, то спускаясь; затем начался лес, и тропа пошла только вверх, вдали виднелась группа старых островерхих коричневых шале, к которым, очевидно, вела эта дорога. Миссис Стрингем вскоре оказалась рядом с ними, там, от недоумевающей пожилой женщины, явно не привыкшей к такому оживлению, она получила сведения, позволявшие сориентироваться. Незадолго до того молодую даму видели проходящей дальше, в сторону горного хребта, там, от перевала, дорога снова шла вниз, и подуставшая уже компаньонка отставала от подопечной примерно на четверть часа. За перевалом открывался широкий простор, и сперва она подумала, что девушка не могла уйти так далеко, чтобы полностью скрыться из виду, а потом пыталась разглядеть ее силуэт вдали. Однако неопределенность длилась недолго – вскоре миссис Стрингем заметила скальный выступ примерно в двадцати ярдах ниже по склону, рядом с которым лежал тот самый, так и не разрезанный до конца томик «Таушнитц», брошенный на траву; это означало, что и хозяйка его недавно здесь была. Она

просто избавилась от книги, когда надоело нести ее, вероятно, рассчитывая забрать ее на обратном пути; но если она этого еще не сделала, то куда же делась? Миссис Стрингем увидела все буквально несколько минут спустя; только случайно она не выдала свое волнение, прежде чем увидела подругу.

Это место вдоль уведившей вниз тропы с несколькими резкими поворотами, частично скрытыми скалами и кустами, представляло собой простой и живописный вид, красота которого во многом зависела от широты панорамы, однако склон был довольно крутой. Милли, увлеченная видом, отправилась прямо вниз, пока картина не открылась перед ней во всем размахе; и там – к изумлению старшей компаньонки – уселась на самом краю обрыва, словно на ровной лужайке. Тропа была вполне надежной, но камни над обрывом выглядели довольно опасно; крупный участок скалы нависал над ущельем, уходя вправо в пустой воздух; казалось, он в любой момент может обрушиться. Миссис Стрингем с трудом удержалась от возгласа, оценив степень риска, которому подвергалась девушка; любое неудачное движение – и она могла качнуться, поскользнуться, даже простой поворот корпуса мог привести к падению в бездну. В одно мгновение перед глазами несчастной компаньонки пронеслась тысяча ужасных мыслей, которые, очевидно, и в голову не приходили самой Милли. Боязнь испугать девушку заставила миссис Стрингем сдерживать дыхание, собраться с чувствами и отказаться от первоначального намерения вмешаться. Как бы дико это ни звучало, кроме всего прочего, ей не хотелось мешать Милли в ее капризе, девушка обычно становилась ужасно упрямой, когда до них доходило. Миссис Стрингем неподвижно стояла и смотрела на эту сцену, опасаясь, что любой изданный ею звук может стать фатальным, она пыталась понять, что делать дальше. Наконец она осторожно, медленно двинулась к девушке, и малейший шорох травы под ногами казался ей грохотом. Даже если девушка глубоко погружена в свои мысли, по крайней мере, непохоже, что она намерена прыгать со скалы; напротив, она выглядела спокойной, исполненной самообладания. Она всматривалась в ошеломляющие просторы ущелья. Что бы она ни замышляла, вряд ли красота природы могла навести ее на идею раз и навсегда отказаться от ее созерцания. Миссис Стрингем задумалась, что разумнее: приблизиться к Милли или оставить ее в покое, уйти, не провоцируя рискованную ситуацию. Она еще присмотрелась, перевела дыхание, впоследствии она не могла сообразить, сколько времени находилась там.

Скорее всего, прошло несколько минут, хотя ей казалось, что все длилось долго; она обдумывала случившееся и там, на горе, и потом, в отеле, на протяжении всего дня, пока не вернулась Милли. Миссис Стрингем приостановилась выше по тропе – там, где лежал томик «Таушнитц», подняла книгу и написала карандашом, всегда лежавшим в поясной дорожной сумочке, одно слово: «*À bientôt!*» – «До скорого!» – поперек обложки; и с этого момента чувство тревоги внезапно ее отпустило. Потому что она со всей ясностью поняла, что величайшим вызовом и угрозой для ее принцессы было совсем не то, чего опасается большинство людей. Она не боялась случайного падения и быстрого исхода. Она боялась прямо посмотреть в лицо жизни во всем ее размахе, в тот мир, который открывался перед ней там, на кромке обрыва. Миссис Стрингем заметила про себя, что даже по прошествии некоторого времени, когда ее молодая спутница еще не пришла, это совсем не означало, что за нее следовало тревожиться. Она не планировала самоубийство; она выбрала для себя гораздо более тяжелый путь; это стало ясно из того, как смотрела она в пропасть и дальше, на мир. Картина эта стала настоящим откровением для старшей компаньонки. За те кошмарные минуты наблюдения спутница явилась ей в новом свете; вся ее история, положение в обществе, красота, характер, тщательно оберегаемая тайна – все это сложилось воедино там, в альпийском пейзаже, и разожгло в душе миссис Стрингем еще большее пламя. Мощнее любого сомнения действует на нас ощущение, что мы ясно и глубоко понимаем помыслы наших друзей. Отныне она несла в себе сокровенное знание – столь редкую драгоценность. Кое-что оставалось в тумане, надо было приложить

усилия, чтобы ограничить и очистить свое сокровище, но главное было в ее распоряжении – и это не имело никакого отношения к золоту Милли.

II

Девушка ничего не сказала при встрече о слове, написанном на ее книге, и миссис Стрингем больше этот томик у нее не видела. Возможно, она оставила его там, в траве, и больше не вспоминала о его существовании. Старшая компаньонка приняла решение не заводить разговор о прогулке и о том, что отправилась на ее поиски, но через пару минут ее подопечная произнесла:

– Вы не сочтете меня невыносимой, если я скажу... – И осеклась на полуслове.

Миссис Стрингем подумала, что в голосе девушки стало меньше напряжения, она словно повеселела.

– Вы не возражаете, что мы остановились здесь? Может, вы хотели следовать дальше? Мы можем выезжать завтра на рассвете – или чуть позже, как вам удобно; сегодня уже поздно снова отправляться в дорогу, – она улыбнулась, словно только что пошутила, и добавила: – Это я задержала вас здесь, но все теперь хорошо.

Так и решили, и между женщинами установилось согласие. Девушка сначала хотела заняться деталями путешествия, несмотря на заверения старшей компаньонки, что ей нет нужды заботиться об этом, но вскоре потеряла интерес к теме; впрочем, она пообещала, что до ужина подумает о том, куда они могут поехать дальше; ужин был заказан на время, когда можно будет зажечь свечи. Они еще прежде договорились, что во время странствий, особенно в горах, будут устраивать поэтические ужины при свечах, чтобы придать романтический флер и утонченность своим приключениям. Милли сказала, что хочет прилечь, пока не стемнело; но минуты три спустя так и не легла и сказала, резко меняя предмет разговора, как будто мысли ее перепрыгнули через тысячи миль:

– Там, в Нью-Йорке, девятого, когда вы были наедине, что сказал вам доктор Финч?

Лишь намного позднее миссис Стрингем осознала, почему этот вопрос поразил ее больше, чем сама его внезапность; она так испугалась, что моментально, не задумываясь, дала неверный ответ. Она вспомнила, что все это значит: девятое, Нью-Йорк, доктор Финч, встреча наедине, его слова; и когда все эти фрагменты собрались в единое целое, она не могла даже сообразить, сказал ли он нечто важное. На самом деле ничего особенного; у нее осталось впечатление, что он лишь собирался что-то сообщить. И разговор состоялся не девятого, а шестого, за десять дней до их отъезда из Штатов; она прибыла из Бостона в спешке, взволнованная, потому что получила известие: Милдред неожиданно заболела, случай неясный, возникли опасения, что путешествие придется отложить. Вскоре инцидент был исчерпан, ей сказали, что ничего серьезного не случилось, всего лишь несколько часов тревоги; поездка в Европу была названа не только допустимой, но и желательной переменой, которую доктор настоятельно рекомендует; и если старшей компаньонке и довелось несколько минут поговорить с врачом наедине, сам разговор не запомнился. Они обменялись заверениями во взаимном уважении, нейтральными словами о целительной силе Европы; и эта уверенность тона и незначительность слов – единственное, о чем она могла теперь сказать Милли.

– Слово чести, ничего особенного он мне не говорил. У меня нет от вас никаких секретов. Что заставляет подозревать такое? Я вообще забыла о том разговоре.

– Нет... вы никогда не говорили мне, – ответила Милли. – Я не имела в виду ничего подобного. За те сутки, когда я плохо себя чувствовала, естественно, вы могли что-то обсуждать с ним. То есть когда мне стало лучше – непосредственно перед вашим отъездом домой.

Миссис Стрингем недоумевала:

– А кто сказал вам, что мы с ним виделись?

– Сам он не говорил и позднее не написал мне об этом. Мы сейчас впервые это упоминаем. И вот в этом-то и дело! – заявила Милли. Ее лицо и голос на мгновение изменились, выдавая то, чего компаньонка не знала, что смутно чувствовала как некую тайну и что теперь начинало выплывать на свет; но почему это так важно?

– Но если он ничего вам не доверил, значит, и говорить не о чем, – улыбнулась девушка.

– Я не была предметом его доверительности, и он ничего мне не сообщал. Но в чем дело? Вы себя плохо чувствуете?

Миссис Стрингем сказала чистую правду, хотя и не стала упоминать о своей прогулке вслед за Милли и о том, как видела ее рискованный выбор места на скале. Девушка обратила к ней вечно бледное лицо, на сей раз озаренное внутренней энергией. На губах играла все та же непонятная полуулыбка.

– Не знаю, просто мне пришла в голову одна идея. Захотелось все выяснить.

Миссис Стрингем сочувственно взглянула на девушку:

– Вы в беде? Вам больно?

– Вовсе нет. Но я иногда думаю...

– Да, – настойчиво спросила компаньонка, – думаете о чем?

– Ну, я и сама не знаю, как сказать.

Миссис Стрингем всматривалась в ее лицо.

– Сказать что? Не о боли?

– Обо всем. Обо всем, что у меня есть.

– У вас есть все, так что выбор, о чем сказать, весьма широк, – мягко, почти нежно произнесла старшая дама.

– Я имею в виду, надолго ли у меня все это?

Ее поведение озадачило компаньонку, которая была тронута, глубоко и искренне тронута беспомощной грацией и непредсказуемым настроением девушки, но одновременно досадовала, потому что недосказанность заставляла ее чувствовать себя нелепо.

– Вы получили лечение?

– Я получила все, что возможно, – рассмеялась Милли.

– Ну, это практически ничего.

– Так вот – надолго ли?

Миссис Стрингем сделала шаг вперед, к девушке, пристально глядя ей в лицо; ей хотелось прикоснуться к ней, поддержать.

– Вы хотите с кем-нибудь встретиться? – А когда девушка ответила коротким отрицательным кивком, решила сказать определеннее: – Мы прямиком отправимся к лучшему из местных врачей.

Это предложение тоже не вызвало энтузиазма – лишь молчание, печальная улыбка и снова короткий жест головы.

– Скажите мне, умоляю, скажите, если с вами случилось нечто серьезное.

– Не думаю, что у меня есть все, – Милли произнесла это так, словно ее слова все объясняли, и явно постаралась говорить мягко и спокойно.

– Бога ради, что я могу сделать для вас?

Девушка на мгновение заколебалась, хотела что-то сказать, но не смогла.

– О, дорогая моя, я всего лишь слишком счастлива!

Этот порыв сблизил их, но ничего не объяснил, и сомнения миссис Стрингем лишь окрепли.

– Так в чем же дело?

– В том-то и дело, что я едва справляюсь с этим.

– И чего же у вас нет?

Милли помедлила, а затем взглянула на собеседницу с какой-то странной внезапной радостью:

– Силы для сопротивления тому, что у меня есть.

Миссис Стрингем была взволнована – теперь она уже не была потерянной, ее не держали на прежнем расстоянии, она испытывала нежность и тревогу за девушку.

– К кому вы будете обращаться? – она готова была решительно перенестись с горных высот на континент докторов. – К какому врачу пойдете прежде всего?

Милли уже в третий раз заколебалась, но через несколько мгновений взяла себя в руки.

– Я скажу вам за ужином, а пока – до встречи. – И она покинула комнату так легко, что компаньонке не оставалось ничего, кроме ожидания.

Оставшись одна, миссис Стрингем присела с рукоделием, которое всегда помогало ей успокоиться, разложила перед собой иглы и мотки шелка, снова и снова перебирала в памяти все сказанное, все оговорки и жесты. Приходилось признать, что поведение подопечной могло быть всего лишь следствием перевозбуждения и избытка радости жизни после тяжелого периода, процессом возрождения. И, сидя в стущающихся сумерках, Сьюзан Шепард надеялась, что у опасений не было никаких оснований и все у юной дамы великолепно. К вечеру похолодало, и путешественники располагались ближе к огню; большая дорога через Альпы виднелась из окон ресторана – низкие и чистые, на стенах красовались старые картины, изображения исторических событий, случаев в горах, и все это составляло фрагментарную, но экспрессивную панораму местной жизни. Миссис Стрингем настраивалась на разговор, уповая, что великолепие и очарование спутницы не помешают ей сосредоточиться на главном; чтобы настроиться на светский лад, она попыталась вообразить себя в роскошном экипаже, на алых шелковых подушках. Когда зажгли свечи и накрыли стол к ужину, появилась Милли, придав декорациям истинную романтику. И очарование девушки не померкло от новой решимости, с которой она сразу заявила своей спутнице:

– Я хочу отправиться напрямиком в Лондон.

Это было неожиданно, при отъезде из дома об этом речи не шло; напротив, идея посетить Англию была отвергнута или, по крайней мере, отложена на отдаленную перспективу. Короче говоря, Лондон предполагался в качестве финального аккорда, результата длинной череды промежуточных шагов. Предложение Милли обрадовало миссис Стрингем, которая всегда предпочитала простые и прямые пути; позднее, вспоминая развитие событий, она сразу представляла бледное лицо девушки в обрамлении чуть дымящихся свечей, свежий холодный воздух, отдаленный стук копыт и позвякивание и скрип экипажей, приглушенную расстоянием иностранную речь – быструю череду вопросов и ответов, и желтоватую полосу дороги за окнами. Девушка говорила искренне, доверительно, оживленно и почти кокетливо; с неожиданной застенчивостью она призналась, что в Европе ее больше всего интересуют люди, и если подруга хочет знать, все предшествующие дни она наблюдала за ними – в музеях и церквях, в самом разном окружении. Да, окружение, декорации очень важны; но она хотела личных впечатлений, она хотела видеть людей в их жизни, и теперь она жаждала узнать, какой будет эта жизнь в Лондоне, отличается ли она от жизни в других краях. А раз так, зачем откладывать? Зачем тратить время на проволочки и отказывать себе в главном? Она представила этот аргумент так весело, что миссис Стрингем уже не была уверена, не почудились ли ей прежние намеки на раннюю смерть, на опасения перед будущим. Ну что же, они ели и пили, не зная, что ждет их завтра; они будут следовать своим курсом, и на пути их ждут другие трапезы и другие края. В тот вечер ужин прошел в атмосфере предвкушения новых впечатлений, в праздничном настроении, и, прежде чем расстаться на ночь, обе женщины испытали облегчение.

Милли описала свои планы в самых общих чертах – как интерес к жизни в целом. Люди не так уж были важны для нее, скорее, ее привлекала возможность новых знакомств; дамы планировали добраться до Дувра, где никого не знали и где никто не знал их самих. У них

не было британских связей, это немного беспокоило миссис Стрингем. Девушка заметила в ответ, что не собирается возвращаться в светском обществе или искать высоких знакомств; ее совершенно не привлекала мысль искать возможности представиться заранее соотечественникам в Англии с помощью писем. Короче говоря, она ехала туда не устанавливать контакты с американцами или местной знатью, она хотела понаблюдать за обычным течением английской жизни, сравнить реальность и свои представления о ней. В тот день миссис Стрингем поверила ей на слово, но позднее не раз замечала, насколько приятнее и удобнее заранее договориться о встрече или подготовить знакомства. Однако спорить с Милли было бесполезно, иногда она становилось чудовищно упрямой. «Надо ли понимать, что вы дали мистеру Деншеру нечто вроде обещания?» – все, что оставалось сказать старшей компаньонке, которую просто ставили перед фактом.

И в этот момент выяснялось, что Милли не может или не хочет дать определенный ответ: не то она дала мистеру Деншеру некое не очень определенное обещание, не то он сам просил ее о чем-то. Однако компаньонка уже понимала, что такая неопределенность скрывает под собой некий весьма конкретный интерес ее подопечной; вероятно, обещание было вполне конкретным, но сам человек был не очень обычный. В частности, познакомившись с мистером Деншером, она должна была признать, что это необычайно умный молодой англичанин, посетивший Нью-Йорк в качестве литератора или корреспондента незадолго до их отъезда, и он три или четыре раза бывал в доме Милли – видимо, в то время, когда миссис Стрингем возвращалась в Бостон; она припомнила, что ранее слышала от подруги это имя, но ей и в голову не приходило, что именно этот молодой человек – настоящая причина поспешить в Лондон и что девушке не терпится снова увидеть его. Ее привлекала его спокойная уверенность и умение радоваться жизни, ощущение внутренней свободы, которую сама она только теперь обретала; Милли ничего не делала, чтобы отыскать его, но призналась миссис Стрингем, что часто скупает по мистеру Деншеру. После этого старшая компаньонка не раз задумывалась о нем, она стала присматриваться к Милли и замечать, как то и дело проскальзывало в ней сдерживаемое волнение и нетерпение; она интересовалась всем, что касалось девушки, и после долгих размышлений пришла к выводу, что не должна вмешиваться и что молодой англичанин может оказаться вполне приятным знакомством. Его присутствие в первые дни по прибытии в Лондон означало, что молодой человек воплощал для Милли весь мир и дарил надежду на сочувствие и радостное удивление. Вдали от прежних знакомых, потерявшая мать и других родных, беззащитная, но обладающая внутренней силой, большим домом и большим состоянием, она лишь недавно стала принимать гостей в качестве хозяйки салона, научившись держаться настоящей принцессой и яркой звездой общества, в слишком молодом возрасте привлекая к себе всеобщее внимание. Насколько поняла миссис Стрингем, когда в Нью-Йорке появился мистер Деншер, его планы были непредсказуемыми: он уезжал на пару дней, потом возвращался, затем надолго уехал на Запад, в Вашингтон, так что видела его Милли не так часто, потому и сама Сьюзан с ним ни разу в Штатах не встретила. Ей раньше не случалось преувеличивать ситуации, ей казалось, что она на это не способна; но в ожидании знакомства с этим мистером Деншером она поймала себя на том, что пытается представить его, хочет спровоцировать его на проявление характера, понять его взгляды, что он превратился в объект повышенного интереса, еще не оказавшись на ее пути.

В любом случае ей оставалось лишь ждать развития событий; было дано обещание или нет, в Лондоне Милли сможет сама решать, подать ли ему знак, позволяющий искать продолжения знакомства; и очевидно, что Милли с радостью сделает это; впрочем, весь ее энтузиазм и желание видеть молодого человека будут тщетны, если он все еще находится в Америке. У него были для того все основания, с другой стороны, она вряд ли стала бы так торопиться в Лондон, если бы не была уверена, что он уже вернулся туда или планирует вернуться в ближайшее время. Старшая компаньонка полагала, что воодушевление и решимость молодой дамы

выходят за общепринятые рамки поведения; правда, в некотором противоречии с основным посылом девушка заметила как бы между прочим: последнее, чего она желает, это создать впечатление, что бегаёт за ним. Миссис Стрингем про себя задавалась вопросом, насколько опасным могло бы стать такое мнение, если бы оно сложилось; однако она не стала обсуждать этот аспект, она предпочла говорить о другом: например, о том, что делать, если мистер Деншер окажется все еще в отъезде и если все планы окажутся нереалистичными; она считала, что в любом случае им следует быть сдержанными и даже скрытными. Но до какой степени следует хранить скрытность? Миссис Стрингем подумала, что имеет право изложить свою точку зрения: у нее есть некие связи в Лондоне – это знакомство, которое она не слишком хотела возобновлять, и она не была уверена, что ее там действительно рады будут видеть. Но в конце концов за ужином она поведала спутнице историю Мод Мэннингем, странной, но примечательной англичанки, с которой юная Сьюзан подружилась в давние дни обучения в школе в Веве; они переписывались после окончания учебы, сперва часто, потом все реже, со временем эта корреспонденция превратилась в своего рода обязанность, за которой не стояло никаких чувств; после того как обе они вышли замуж, был еще один всплеск искренности в их переписке. Инициатива исходила от Мод, теперь миссис Лаудер; потом было еще два или три письма. На этом переписка прекратилась, не было ни разрыва отношений, ни конфликта, все мягко сошло на нет: миссис Стрингем так понимала, что брак Мод был весьма выгодным, в то время как сама она выбрала скромного супруга; к этому добавилось расстояние, накопившиеся различия в образе жизни, новые обязанности и знакомства, а также невозможность встреч. Теперь, после стольких лет, они могли увидеться снова – но было ли такое желание у другой стороны, в этом миссис Стрингем не была уверена. Однако в интересах молодой подруги она готова была рискнуть возобновить знакомство; ведь английская дама, наверное, могла бы оказаться полезной. Это была бы всего лишь попытка, эксперимент, и если Милли не возражает, она готова действовать.

Милли в целом не возражала, хотя и задала пару вопросов, а затем решила, что идея хорошая. Ее вопросы – или, по крайней мере, ее собственные ответы на них – вызвали новые соображения у миссис Стрингем: она вдруг поняла, что до сих пор не задумывалась, как прекрасно было бы снова увидеть Мод – высокую, яркую, экзотичную, совсем не похожую на нее саму, с ее особенным британским произношением, но все это были такие отдаленные воспоминания, возможно, окрашенные юношескими чувствами. В этом крылась опасность, честно призналась она себе, характер с годами меняется, разум преобладает над чувствами; возобновить отношения после столь долгого перерыва означает взглянуть в лицо этим переменам. Собрать рассыпавшиеся нити прежней дружбы – это риск, но ради Милли стоило пойти на такой риск. Возможное удовольствие, призналась она себе, тоже было соблазнительно; и ей вдруг показалось, что она заслуживает такого безобидного удовольствия после добрых пятидесяти лет добродетельной и скромной жизни в Новой Англии. Позднее она вспомнила странный взгляд, брошенный на нее молодой подругой; она все еще сидела между двумя свечами, перед законченным ужином, когда Милли сменила позу и пристально посмотрела на нее, как будто оценивая впечатление, произведенное ее заявлением о любви к свободе. Вероятно, это был вызов, и Милли в своей неподражаемой мягкой манере хотела подчеркнуть это, а также показать, что история, рассказанная подругой, оказалась козырем, внезапно извлеченным из рукава, – она была неожиданной и на удивление уместной. И, прежде чем уйти спать, она легкомысленно бросила:

– Рискуй всем!

Эти слова напомнили Сьюзан Стрингем, все еще сидевшей за столом, еще одну особенность Мод Лаудер, почти забытую, но очень важную и вызвавшую теперь небольшое волнение. В ней было нечто твердое, не названное словами, и миссис Стрингем вспомнила об этом, когда девушка уходила, кинув на прощание не то в шутку, не то всерьез свой лозунг. На этот раз

она с полной ясностью вспомнила, что после замужества Мод она, Сюзан, чувствовала себя совершенно потерянной. Миссис Лаудер оставила ее в прошлом, превзошла не только датой – она вышла замуж первой, – но и качеством, и тогда, в письме, чувствовалось сдерживаемое превосходство и легкая жалость по отношению к менее удачливой подруге. То неприятное впечатление не совсем стерлось из памяти с годами, хотя и подзабылось на время, так что теперь было несколько странно и неуютно предпринимать попытку возобновить отношения, опасаясь очередного удара или пренебрежения; сама идея о снисходительном превосходстве со стороны школьной подруги выставляла ее план в ином свете. Если позволить себе подробный анализ ситуации, можно прийти к выводу, что ей предоставлялся шанс своеобразного реванша, достижения справедливости, все зависело от того, как обставить свое появление на сцене. Мод столько раз занимала ведущее место в их отношениях в прошлом, что теперь – с опытом роскошной английской жизни – наверняка обрела еще большую уверенность, новые связи, возможности. И хорошо, даже очень; миссис Стрингем чувствовала, что готова к этому вызову. Что бы ни продемонстрировала ей миссис Лаудер, она по праву надеялась, что такой трофей, как Милли Тил, окажется непревзойденным капиталом для нее, бедняжки Сюзан. Бедняжка Сюзан засиделась, пока свечи не догорели почти до конца, а когда со стола убрали остатки ужина, достала из сумки аккуратную папку с бумагами. Она не теряла старые адреса, особенно если речь шла о важных контактах; пора было начинать игру. Не откладывая в долгий ящик, она написала письмо.

Книга четвертая

I

После этого дела пошли очень быстро, и вот уже Милли сидела за столом, беседуя с джентльменом по правую руку от нее – одновременно он находился по левую руку от хозяйки дома, – и даже не до конца еще понимала, где оказалась, однако ситуация складывалась весьма романтическая. Они с подругой ужинали на Ланкастер-гейт в окружении, как ей казалось, предельно английских деталей и аксессуаров; хотя она слышала заранее про миссис Лаудер, при встрече та произвела на нее сильное впечатление. Сюзи, как хозяйка дома по-своему называла подругу, взмахнула волшебной палочкой, и они попали в волшебную сказку; миссис Стрингем переживала момент торжества, пользуясь успехом в обществе в качестве ее феи-крестной. По этому случаю Милли буквально настояла на том, что сама подберет для подружки парадный костюм; и девушка думала, что было бы весело нарядить добрую даму в остроконечную шапку, накидку со звездами и туфли с украшенными бриллиантами бантами, как «правильную» фею из детской книжки. Впрочем, добрая дама и так добросовестно исполняла свою сказочную роль; женщины обменялись быстрыми насмешливыми взглядами через стол, пока Милли вела чинную беседу с лордом Марком. Подруг разделяло не менее двадцати других гостей, но это не мешало им переглядываться, понимая друг друга с полуслова, как повелось с того дня на швейцарском горном перевале. Милли казалось, что судьба сама играет ими, словно они придумали небольшую шутку, а она обернулась чем-то убийственно серьезным. В данный момент она даже не могла сказать, например, в каком состоянии находится: возбужденном или подавленном; и все могло оказаться еще хуже, если бы, по счастью, она не сориентировалась быстро в обстоятельствах и не приняла решение не столько действовать, сколько замереть и наблюдать за ходом событий, ибо она уже отлично видела, к чему все идет.

Лорда Марка ей представили перед ужином, причем сделала это не миссис Лаудер, а красивая девушка, ее племянница, сейчас сидевшая за противоположным концом стола, рядом с Сюзи; новый знакомый сопровождал ее за стол, и теперь она расспрашивала его про мисс Крой, ту самую красивую девушку, которую хорошо было видно с ее места. В первый раз такая возможность представилась ей три дня назад, когда мисс Крой с тетей посетили ее в отеле, сияя красотой и роскошью, словно две героини романа. Это впечатление подтверждалось и сегодня, хотя внимание Милли теперь было рассеяно на множество других персонажей; и все же взгляд ее – когда она не обменивалась заговорщически с Сюзи – снова и снова возвращался к Кейт Крой. Она была поразительным созданием, иначе и описать ее было невозможно; и чисто американская привычка быстро оценивать людей и их возможности позволяла Милли не сомневаться, что дружба с этой очаровательной, умной, знающей себе цену девушкой открывает перед ними обеими множество перспектив. Как новичок в этом обществе, Милли с легкостью приходила к обобщению: английским девицам свойственна особая, впечатляющая красота, особенно когда они облачаются в вечерние платья; по отношению к девушке напротив это было справедливо вдвойне, тем более что и платье на ней было под стать природным данным. Она непринужденно беседовала с лордом Марком. Она заметила, что им вообще легко поладить в разговоре; любопытно было и то, что хозяйка дома, сидевшая по другую руку от лорда Марка, не обращалась к нему, давая ему возможность целиком сосредоточиться на госте. С другой стороны от миссис Лаудер сидел епископ Мюрремский – Милли никогда прежде не встречалась с настоящим епископом, так что украдкой присматривалась к его сложному облачению, вслушивалась в мелодичный голос и старомодные интонации, не смогла удержаться от сравнения его лица со всеми виденными прежде портретами прелатов; джентльмен по левую

руку от нее – крепкий и коренастый, с толстой шеей – смотрел прямо перед собой, словно ему претили пустые застольные разговоры, так что и он не препятствовал ее плавно протекавшей беседе с лордом Марком. Сложив все вместе, Милли – с привычной для нее склонностью к преувеличениям и скорым выводам – с интересом находила подтверждения своим суждениям о людях. Она пыталась понять, что увлекает ее больше: перспектива окунуться в бурный поток жизни или наблюдать за ним, оставаясь на берегу. Соблазнительно было подойти совсем близко, тем более что раньше у нее подобного опыта не было, и все ей казалось теперь увлекательным и необычным.

Она задумалась, смог бы сосед справа верно понять ее, если бы она поделилась своими наблюдениями; но тут же ответила себе: нет, безусловно, не смог бы, и об этом она тоже судила на основании мелких наблюдений. Тем не менее ей уже становилось ясно, что джентльмен мог бы действовать и поумнее; очевидно, что новое знакомство не представляло для нее никакого интереса, хотя в человеке этом были и ум, и естественность. Внутренне она то бледнела, то краснела от мысли, что оказалась вовлечена в чужую игру, а это было несомненно; вся атмосфера, нарочитая как бы непреднамеренность были на ее вкус слишком явными и безвкусыными. Все эти мелочи, лица, руки, бриллианты женщин, обрывки разговоров, имена, долетавшие через стол, форма вилок, порядок расстановки цветов, манеры слуг, стены комнаты – все было элементами декорации; она с пронзительной ясностью и остротой воспринимала этот спектакль и осознавала логику своего восприятия. Казалось, она никогда еще не испытывала столь обостренных реакций, доводивших ее до дрожи; ее чувствительность была чрезмерной, лишавшей комфорта; например, ей ужасно хотелось сократить количество знаков, поступавших со всех сторон, научиться быть такой же закрытой и спокойной, как эта прекрасная племянница хозяйки, поразившая ее значительностью и блистательной недоступностью. Такой тип женщины, очевидно, имел колоссальные преимущества; и она была уверена, что между ними возник контакт – легкая и спонтанная связь. Если бы они с мисс Крой смогли поболтать наедине, как делали их старшие компаньонки много-много лет назад, что бы из этого вышло? Они бы обнаружили взаимную симпатию? Оказалась бы она прочной? Или это было бы ординарное светское знакомство? Она сомневалась, ведь с момента приезда в Англию она сразу поняла, что Мод Мэннингем видит в ней утративший корни побег и неясный, но продуктивный ресурс, считает ее зависимой от своих капризов, постыдно глупой и считает возможным контролировать ее и управлять ее поведением с безумной целью «ввести ее в общество». Совершить такое серьезное паломничество ради общества, которое могла предложить им миссис Лаудер, вот уж не стоило стараний, и она решила придерживаться своей тактики: наблюдать с любопытством за происходящим вокруг. Она могла бы описать свое любопытство как желание увидеть места, о которых она прежде читала, и такое описание мотивов годилось для разговоров с посторонними – например, с соседом по столу, хотя в итоге ей пришлось осознать, как мало она читала. В данный момент ей казалось, что недостаточно ясное предвидение того, что ее ждало, – она могла назвать все увиденное не меньше, чем величественным, – и откровенное преобладание двух фигур – она не смогла найти им другое название – и вызывало у нее обостренное и настороженное внимание. Миссис Лаудер и ее племянница при всем их различии имели нечто общее: каждая из них представляла собой грандиозную реальность. В первую очередь это было справедливо в отношении тети, настолько справедливо, что Милли задумалась, как ее собственной компаньонке некогда удалось оказаться с ней в друзьях; и все же ей виделось, что миссис Лаудер – персона, которую можно было бы понять за два-три дня общения. По крайней мере, это казалось достижимым при определенном усердии; а вот что касается мисс Крой, той красивой девушки, на пути знакомства с ней могут возникать неисчислимы препятствия. Она была реальной, более того, все и всё здесь были реальными; и это, без сомнения, было отличной отправной точкой для их приключения.

Однако ум лорда Марка был ничуть не слабее, чем у Милли, и он без труда понял, сколь малое впечатление произвел на девушку и как мало знает о ее истинных обстоятельствах. В ответ на ее уклончивые расспросы он сказал, скорее, намекнул, что в современном Лондоне у многих нет такого понятия, как постоянное местопребывание. Все бывают везде, и никто не привязан к одному месту. Честно говоря, он мог бы назвать людей, посещающих этот дом, они входят в круг хозяйки дома. Но существует ли этот круг в действительности, не является ли он условностью, не имеющей определенных границ и постоянно меняющейся, как великое бурное море в районе Ла-Манша или некий причудливый сплав разнородных элементов? Он поставил этот вопрос, давая понять, насколько он невозможен и не поддается решению; Милли показалось, что за пять минут он рассказал ей слишком много, хотя успел миновать лишь одну-две ступени головокружательной лестницы; впрочем, его слова помогли ей избавиться от подозрений, что здесь ее не воспринимают всерьез, судят свысока: он говорил так, словно хотел избавиться от избытка информации, но весьма небрежно. В каком-то смысле он был ее противоположностью, но именно в силу этого он выглядел таким же потерянным странником, как и она сама; более того, несмотря на очевидные несовпадения – они, вероятно, были вполне преодолимы, если подобрать правильный ключ, – он тоже представлял собой великую реальность жизни, как и миссис Лаудер или Кейт. Когда лорд Марк упоминал первую из этих дам, он использовал одно и то же определение – «исключительная женщина», «совершенно исключительная женщина» или «чем больше узнаешь ее, тем яснее понимаешь, насколько она исключительная женщина», а про вторую не сказал ни слова, лишь один раз заметил, что она поразительно, просто поразительно хороша собой. Милли отметила про себя, что его ум стал проявляться в разговоре не сразу, и постепенно она все отчетливее видела, что он гораздо значительнее, чем человек с титулом, каким его представила ей хозяйка дома. Вероятно, он один из тех людей, о которых она слышала дома: ей говорили, что типичный англичанин тщательно скрывает мысли и чувства. Даже мистер Деншер отчасти обладал этим свойством. Но что делало лорда Марка таким живым и реальным, если он был наглухо закрыт и предельно сдержан? За внешней невозмутимостью ощущались интенсивность и сила намерений, внутренняя сосредоточенность, и это еще не все. Трудно было понять, сколько ему лет, – он мог быть молодым человеком, выглядящим старше своего возраста, или весьма взрослым, но сохранившим нечто юношеское в облике; само по себе это ничего не значило, но он начинал лысеть, производил впечатление человека, утратившего юношескую свежесть или, если выразиться точнее, суховатого: в нем можно было угадать озабоченность жизнью, а в глазах на мгновение – совсем мимолетно – появлялось чистое и ясное выражение, почти детское. У него были аккуратные светлые усы, и он по-мальчишески часто прикасался к ним кончиками пальцев, причем этот жест придавал его облику нечто утонченно-интеллектуальное и в то же время кокетливое. Нечто игривое мелькало порой и в его взгляде, хотя он носил очки, и это делало его похожим на задумчивого бостонца.

Легкая фривольность, безусловно, была вызвана обстоятельствами – точнее, его желанием произвести впечатление на американку, а также смутным ощущением, что в нем самом есть нечто устарело-патриархальное, ведь она относилась к социальному слою, который с некоторой неловкостью можно было бы определить как «модное общество». Высший класс Нью-Йорка никогда не соглашался на столь унижительное название, и хотя Милли знала о том, что сами они воспринимают себя как финансовую и политическую аристократию, вынуждена была согласиться с более простым и небрежным описанием. В разговоре с лордом Марком ей казалось, что он безразличен к подобным нюансам, но в самой его индифферентности было нечто истинно аристократичное в самом традиционном смысле слова; он смотрел на нее, и она ему нравилась, но вместе с тем он непрестанно думал о чем-то еще, глубинном, очень личном. Если он, с одной стороны, уделял внимание ей, а с другой – не упускал из виду что-то еще – это было видно хотя бы по автоматическому жесту, с которым он нервно крошил кусок хлеба, –

оставалось понять, что же он скрывал за безупречными благородными манерами? Она не знала ответа, и именно это ее тревожило. Они оба были сложными людьми, в этом она не сомневалась, она чувствовала в нем двойное дно, поскольку и сама скрывала от окружающих немало, но она здесь была иностранкой, американкой, а он не придавал этому значения и вел себя так, словно она депутат парламента, не меньше. Он был слишком любезен, слишком внимателен, слишком безупречен и демократичен по отношению к ней, но она и на секунду не сомневалась, что, окажись он в ее стране, все там казалось бы ему чужим и низкопробным. Она не могла бы объяснить, на чем основывалось ее мнение, но была в нем совершенно уверена; тут он мог бы больше рассказать ей, если бы захотел. Она могла узнать от него, чем так сильно отличается от той красивой девушки; она не могла определить это сама, хотя и чувствовала, как важно для него такое различие; а точнее, она могла бы узнать от него, чем та красивая девушка так сильно отличается от нее.

Все это они могли обсудить позже, а пока стоило сосредоточиться на другом, несмотря на его трудности, связанные с его закрытостью. Он сделал вывод, что она, как все американцы, уже начала задумываться, как он ее воспринимает. Ей не нужно было ничего говорить; но американцы, бедняжки (она резко возражала против слова «бедняжки»), понятия не имеют, как избежать этого. Они взваливают на себя груз, который становится настоящей проблемой! В конце концов, после дружеской пикировки по поводу ее сограждан, между ними установилось некое взаимопонимание и она даже привела ему в ответ свежий пример ее собственного волнения, вызванного желанием показаться при встрече с миссис Лаудер милой, настроить ее в свою пользу. Это его очень заинтересовало, и только потом она обнаружила, что в итоге он получил от нее больше информации об их общих друзьях, чем дал ей. Это стало для нее еще одной любопытной деталью для понимания тонкостей и глубин местного общества; теперь она была совершенно уверена, что у новых знакомых есть некие потаенные, возможно, не слишком благородные мотивы. Однако Мод Мэннингом (девушке про себя удобнее было называть ее девичьим именем) тоже была само очарование, и такой она была с первой встречи. Она посетила их в отеле, причем они еще не были уверены, что она получила письмо, а она уже была тут. Конечно, миссис Стрингем написала заранее, но они довольно быстро добрались до Лондона. Через два дня после того визита в отель она пригласила их на ужин, на следующий день снова, даже не дожидаясь приглашения прийти с ответным визитом, она заглянула к ним с племянницей, чтобы передать новое приглашение. Создавалось впечатление, что она искренне заботилась о них, причем искренность ее была неподдельной, такая верность детской дружбе между нынешними миссис Стрингем и миссис Лаудер, дамой с прелестным лицом, изысканными нарядами и идеальными манерами.

Лорд Марк посмотрел на Сюзи через бокал:

– А верность миссис Стрингем не столь безупречна?

– Ну, ее чувства искренние, но едва ли она может что-то дать своей подруге.

– Разве она не преподнесла ей вас? – безмятежно поинтересовался лорд Марк.

– Меня? Преподнесла миссис Лаудер? – Милли совершенно не готова была взглянуть на себя под таким углом. – О, я не слишком ценный подарок, я вообще себя таковым не чувствую, но даже если считать меня подарком, вряд ли меня преподнесли.

– Вам это еще продемонстрируют, и если наша подруга сделает свой ход, вы будьте к этому готовы, – он говорил с шутливой интонацией, но не заметно было, что он действительно забавляется, впрочем, мрачным он тоже не был. – Вам придется признать это в свое время, но теперь ситуация уже не находится в руках вашей компаньонки, миссис Лаудер умеет проявлять инициативу и всегда видит возможные перспективы. Оглянитесь вокруг, все здесь собраны ради вас.

– Ну, если так, – задумчиво ответила Милли, – лучше мне принимать все как есть, чтобы не служить предметом развлечения.

Впоследствии, обдумывая эту часть разговора – а Милли имела привычку все обдумывать постфактум, – она отметила, что ее компаньонка на приеме была предоставлена себе, не вызывая особого интереса собравшихся. Она не понимала, как лорд Марк делал выводы, но приходилось признать, что он был прав. В любом случае, сказала она себе, надо быть благодарной, что он указал ей на это; но любопытнее всего был странный вопрос о ее компаньонке, который он задал как бы между прочим:

– Она много знает про вас?

– Нет, она просто хорошо ко мне относится.

Лорд Марк не улыбнулся, лишь пристально посмотрел на нее:

– Я имею в виду какие-то личные подробности. Не могла ли очаровательная дама поделиться информацией со своей не менее очаровательной подругой детства?

Милли заколебалась.

– Что, например, она могла сказать?

– Все что угодно.

Его слова и особенно интонация вновь задели ее за живое – на мгновение ей показалось, что все ее тайны раскрыты. Однако она быстро нашлась с ответом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.